

Эксперт-криминалист

№ 2
2016

Федеральный научно-практический журнал

Издается с 2005 г.

Журнал издается совместно с Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Учредитель: Издательская группа "Юрист"

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охраны культурного наследия
Рег. ПИ № ФС77-52166 от 19 декабря 2012 г.

Периодичность — 4 номера в год

Главный редактор:

Комиссарова Я.В.

Редакционный совет:

Гришин П.Л., Ковалев А.В.,
Леканов Ю.И., Пинчук П.В.,
Рябов С.А., Смирнова С.А.,
Сыромятников С.В., Токарев П.И.,
Крайникова М. (Словакия),
Малевицкий Г. (Литва),
Шепитько В. (Украина)

Главный редактор ИГ «Юрист»:

Гриб В.В.

Заместители главного редактора:

Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 — многоканальный

Отдел работы с авторами:

avtor@lawinfo.ru
(495) 953-91-08

Адрес редакции/издателя:

115035, г. Москва,
Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7
<http://www.lawinfo.ru>

Подписной индекс по каталогам:

«Роспечать» — 20625,
«Почта России» — 12429,
«Объединенный каталог» — 91912

Подписаться можно также
на сайте: www.gazety.ru

Формат 60x90/8. Печать офсетная.
Физ.печ.л. — 5. Усл.печ.л. — 5.
Общий тираж 1000 экз. Цена свободная.

Отпечатано в типографии
«Национальная полиграфическая группа»
248031, г. Калуга, п. Северный, ул. Светлая,
д. 2. Тел. (4842) 70-03-37
ISSN — 2072-442X

Номер подписан 18.04.2016.
Номер вышел в свет 28.04.2016.

Опубликованные статьи выражают мнение их авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Полная или частичная перепечатка авторских материалов без письменного разрешения редакции преследуется по закону.

Вниманию наших авторов! Отдельные материалы журнала размещаются в электронной правовой системе «КонсультантПлюс». Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) **eLIBRARY.RU**

Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

СОДЕРЖАНИЕ

- Зотов Д.В.** Процессуальная регламентация правовой (юридической) экспертизы в уголовном судопроизводстве 3
- Кислов М.А.** Идентификация колюще-режущих орудий в случаях повреждения плоских костей 6
- Кудрявцев П.А.** Стадия возбуждения уголовного дела: экспертиза или исследование? 10
- Погребной А.А.** Характеристика повреждений дробью № 00 при стрельбе современными охотничьими патронами 12 калибра с дистанций от 5 до 50 м 14
- Саньков В.И.** Роль судебной экспертизы в тактической комбинации «Проверка показаний подозреваемого (обвиняемого), признающего в совершении преступления против личности» 19
- Сысоева Л.А., Цыпкин Д.О.** Еще раз к вопросу о современных исследованиях подписи 22

КОНФЕРЕНЦИИ. НАШ ДАЙДЖЕСТ

- Информация** о Международной научно-практической конференции «Проблемы классификации судебных экспертиз, сертифицикации и валидации методического обеспечения, стандартизации судебно-экспертной деятельности» (г. Москва, 21 января 2016 г.) 25
- Аминев Ф.Г.** К вопросу о профессиональной подготовке экспертов государственных и негосударственных судебно-экспертных организаций 27
- Галяшина Е.И.** Доступ к профессии эксперта и паспорт экспертной специальности 30

НАУКА И ПРАКТИКА

- Гришин П.Л., Зинин А.М., Статкевич В.А.** Организация изготовления субъективных портретов (фотороботов) в практике экспертно-криминалистической службы г. Москвы 34
- Ефремов И.А.** Судебная баллистика на стороне обвинения или защиты: из практики эксперта-криминалиста и адвоката 37
- О награждении лауреатов Национальной премии по литературе в области права** 40

Forensics analyst

№ 2
2016

Federal science-practice journal

Published from 2005

The journal is published together with O.E. Kutafin Moscow State Law University

Founder: Publishing Group "JURIST"

REGISTERED AT THE FEDERAL SERVICE FOR THE MONITORING OF COMPLIANCE WITH THE LEGISLATION IN THE SPHERE OF MASS COMMUNICATIONS AND PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE REG. PI № ФС77-52166 of 19.12.2012.

Published quarterly

Editor in Chief:

Komissarova Ya.V.

Editorial Board:

Grishin P.L., Kovalev A.V.,
Lekanov Yu.I., Pinchuk P.V.,
Ryabov S.A., Smirnova S.A.,
Sy'romyatnikov S.V., Tokarev P.I.,
Krajnikova M. (Slovakia), Malevski G.
(Lithuania), Shepit'ko V. (Ukraine)

**Editor in Chief of Publishing Group
"JURIST":**

Grib V.V.

Deputy Editors in Chief:

Babkin A.I., Bely'kh V.S., Renov E'.N.,
Platonova O.F., Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., candidate of juridical
sciences

**Editorial Subscription Centre:
(495) 617-18-88 — multichannel**

Authors' Department:

avtor@lawinfo.ru
(495) 953-91-08

Editorial office / publisher:

**Bldg. 7, 26/55 Kosmodamianskaya Emb.
Moscow, 115035**
<http://www.lawinfo.ru>

Subscription in Russia:
"ROSPECHAT" catalogue —
20625, "Russian Post" — 12429,
United catalogue — 91912
and also at www.gazety.ru.

Size 60x90/8. Offset printing. Printer's sheet — 5.
Conventional printed sheet — 5.
Circulation 1000 copies. Free market price.

Printed by "National Printing Group".
248031, Kaluga, settlement Severnij,
street Svetlaya, h. 2. Tel. (4842) 70-03-37
ISSN — 2072-442X

Passed for printing 18.04.2016.
Issue is printed 28.04.2016.

The articles express opinions of their authors which do not necessarily coincide with the viewpoint of the editorial office of the journal. All rights reserved. Complete or partial reproduction of authors' materials without prior written permission of the Editorial Office shall be subject to legal persecution.

Attention our authors! Certain materials of the journal shall be placed at legal system "ConsultantPlus". Journal is included in the database of the Russian Science Citation Index **eLIBRARY.RU**

Included into the list of leading reviewed scientific journals and periodicals, where basic scientific results of doctoral and candidate theses shall be published.

CONTENTS

Zotov D.V. Proceeding Regulation of Law (Legal) Expertise in the Criminal Judicial Procedure.....	3
Kislov M.A. Identification of Piercing and Cutting Weapons in Case of Flat Bones Damage.....	6
Kudryavtsev P.A. Stage of Criminal Case Initiation: Expertise or Research?.....	10
Pogrebnoy A.A. Characteristics of Damages by Shot No. 00 while Shooting with Modern Hunting Rounds of the 12th Caliber at the Distance of 5–50 m	14
San'kov V.I. Role of the Forensic Expertise in the Tactical Combination "Verification of Evidence of the Suspect (Accused Person) who Acknowledges Committing Crime against a Personality"	19
Sysoeva L.A., Tsytkin D.O. Once More Revisiting the Modern Signature Researches	22

CONFERENCES. OUR DIGEST

Information on International Scientific and Practical Conference "Issues of Forensic Expertise Classification, Methods Support Certification and Validation, Forensic Expert Activity Standardization" (city of Moscow, January 21, 2016)	25
Aminev F.G. Revisiting the Professional Training of Experts of State and Private Forensic Expert Organizations	27
Galyashina E.I. Access to the Expert Profession and Expert Specialty Certificate.....	30

SCIENCE AND PRACTICE

Grishin P.L., Zinin A.M., Statkevich V.A. Organization of Making Subjective Portraits (Composite Photos) in the Practice of Expert Criminalistics Service of the city of Moscow	34
Efremov I.A. Forensic Ballistics in Favor of the Prosecution or Defense: from the Practice of an Expert Criminologist and Advocate.....	37
About the ceremony of awarding of the National award for literature in the field of law	40

Процессуальная регламентация правовой (юридической) экспертизы в уголовном судопроизводстве*

Зотов Денис Валентинович,
заведующий кафедрой организации
судебной власти и правоохранительной деятельности
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»,
кандидат юридических наук, доцент
zotov78@mail.ru

В статье обосновывается необходимость легализации правовых экспертиз в уголовном судопроизводстве, анализируются отдельные вопросы регламентации их проведения в действующем законодательстве.

Ключевые слова: теория доказательств, судебная экспертиза, специальные знания.

The article makes the case for legalization of law expertise in criminal proceedings, examines specific issues relating to the regulation of their conduct in the existing legislation.

Key words: theory of evidence, forensics, regulation, expertise.

Процессуальная регламентация и реализация положений о правовой экспертизе представляет собой комплекс проблем, связанных с ее наименованием, основаниями и порядком назначения, ожидаемыми результатами, оценкой и другими вопросами производства экспертных исследований.

Судебные исследования на основе специальных юридических знаний принято называть «правовыми» или «юридическими» экспертизами. Конечно, эти понятия не совсем объективно отражают явление, о котором идет речь, однако они являются устоявшимися и позволяют определить суть проблемы.

Существует предложение именовать такие экспертизы «судебно-нормативными»¹, но оно вызывает определенные сложности. Так, если «нормативность» понимать как признак права, то понятия «правовой» и «нормативной» экспертизы сливаются, не показывая какой-либо специфики, а лишь умножая известные сущности. В том случае, если же под нормативностью понимаются нормативные акты как идентифицирующие экспертные объекты, то новое понятие окажется более узким, нежели традиционные определения, за счет того, что при проведении исследования может потребоваться обращение не только к нормативным, но и к индивидуальным правовым актам.

Также не вполне ясен смысл понятия «юридико-правовая экспертиза»², которое тавтологично и не дает новых представлений о сути экспертизы.

Попытка разграничить наименование была предпринята Ю.С. Жариковым и В.М. Шамаровым: «В механизме уголовно-правового регулирования следует различать два вида экспертных исследований — юридическую и правовую экспертизы. Юридическая экспертиза — это деятельность общепризнанных специалистов-правоведов, направленная на оценку соответствия положений уголовного законодательства и проектов уголовных законов общепризнанным правам и свободам человека и гражданина, уголовно-правовым принципам и нормам УК РФ общего характера. Правовая экспертиза — это деятельность общепризнанных специалистов в той или иной отрасли права (как правило, не в области уголовного права), состоящая в определении подлежащего применению к конкретным общественным отношениям, охраняемым уголовным законом, регулятивного правового акта (его нормы), а также в правовой оценке правильности подобной реализации правовых положений, обеспеченной нормой УК РФ с бланкетной диспозицией. При этом, если первая не должна иметь процессуального статуса, поскольку предназначена обеспечить законотворческий

процесс в сфере уголовно-правового регулирования, то вторая экспертиза, наоборот, должна иметь процессуальную форму. Ее результат — заключение эксперта — следует рассматривать в качестве источника доказательств по уголовному делу»³.

Представленный подход обоснован лишь произвольным желанием найти различия между правовой и юридической экспертизой. С методологических позиций он вызывает сомнения, поскольку происходит неоднократное сравнение не сравниваемых категорий. Во-первых, сопоставляются различные сферы правового регулирования — уголовно-правовая и уголовно-процессуальная. Несмотря на взаимодействие материального права и процесса, они имеют различную природу регулируемых правоотношений — организуемых и организационных. Во-вторых, смешиваются правотворческий и правоприменительный процессы. Один направлен на создание нормы права, другой на ее реализацию. В-третьих, внутреннее противоречие приведенных определений связано с тем, что в ходе законотворческого процесса формируется правило поведения общего характера, в то время как для уголовно-процессуального исследования преступления правоотношения складываются только в связи с рассмотрением конкретного дела.

В связи с приведенными замечаниями, оптимальными являются устоявшиеся обозначения экспертизы как «правовой» или «юридической».

По мнению Е.Р. Россинской, рассматриваемые правовые исследования «уже обладают двумя необходимыми чертами судебной экспертизы: 1) исследование основано на использовании специальных знаний; 2) дано заключение, имеющее статус источника доказательств»⁴. Помимо названных, юридическая экспертиза соответствует и другим признакам, характеризующим судебную экспертизу, несмотря на то, что их «набор» не всегда однообразен. К числу таких черт можно отнести: наличие компетентного субъекта (эксперта); собственный предмет экспертизы; специальные задачи; свои объекты исследования и особенности идентифицирующих объектов; специфику методов исследования, разработанных в первую очередь юридической наукой; возможность процессуальной регламентации, как самого порядка назначения правовой экспертизы, так и установление нормативных основ проводимого исследования; и др.

Особенность последнего свойства юридической экспертизы — процессуальной формы — проявляется в двух аспектах. Во-первых, действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит прямого запрета на

* Proceeding Regulation of Law (Legal) Expertise in the Criminal Judicial Procedure

Zotov Denis V., Associate Professor of the department of organization of judicial authority and law enforcement activity; Voronezh State University, Candidate of legal sciences

проведение исследований, основанных на юридических знаниях, не вторгающихся в исключительную компетенцию функционеров процесса. Во-вторых, законодатель вправе установить дополнительные требования или ограничения, регламентирующие процессуальные отношения по назначению и производству соответствующих экспертиз. Такие особенности могут содержать как процессуальные кодексы, так и нормативные акты, регламентирующие судебно-экспертную деятельность.

Основанием для назначения судебной правовой экспертизы, как и любой другой, является необходимость, востребованность специальных знаний. Правовая экспертиза может быть назначена до возбуждения уголовного дела, поскольку закон не устанавливает ни разрешительного, ни ограничительного перечня ситуаций. При этом практика назначения юридической экспертизы до возбуждения уголовного дела станет оправданной, поскольку сформированная экспертом модель действия лица в определенной ситуации или в соответствии со специальными правилами, позволит принять следствию, как обоснованное решение о возбуждении дела, так и построить криминалистические версии для планирования расследования. Конечно, это не означает, что правовые экспертизы должны назначаться по любому поводу и знание права для следователей или судей теперь вообще обязательно. Во всех остальных аспектах вопросы процессуальной регламентации юридической экспертизы не отличаются от любой другой судебной экспертизы.

Однако наличие ряда признаков у правовой экспертизы, претендующей на включение в круг судебных экспертиз, был подвергнут сомнению учеными. Так, П.С. Яни обращает внимание, что «заклучения по правовым вопросам не соответствуют таким принципам экспертизы, как *независимость и беспристрастность*, поскольку в большинстве случаев подобная «экспертиза» проводится по инициативе заинтересованной стороны, прежде всего — обвиняемого либо лица, «закзавшего» возбуждение дела»⁵.

Первое замечание о независимости «правовых» экспертов обосновывается в большей части ведомственными предпочтениями, а не практической и законодательной логикой. Во-первых, незаинтересованных сторон в уголовном судопроизводстве нет. Беспристрастен только суд, а он не сторона. В этой связи импульс любому процессуальному действию, в том числе и экспертизе, задает интерес той или иной стороны, что собственно и обозначается как *состязательность*.

Во-вторых, законодатель предоставляет участникам процесса широкие полномочия по использованию различных средств и способов доказывания. К тому же в условиях смешанного типа отечественного уголовного судопроизводства, таких рычагов доказывания, в том числе и в вопросах назначения экспертиз, существенно больше у представителей обвинения, а не у их оппонентов. Тем более что без ответа остаются справедливые призывы законодателя предоставить право назначения судебных экспертиз не только суду и стороне обвинения, но также и стороне защиты⁶.

В-третьих, независимость любого эксперта должна ставиться не в зависимость от интереса лица, ходатайствующего или назначающего экспертизу, а обеспечиваться профессиональными самоуважением и совестью.

Здесь же следует указать на проблему предупреждения эксперта об уголовной ответственности, что, по мнению некоторых ученых, затруднительно реализовать на практике в связи с невозможностью разработки единой методики толкования правовых норм⁷. Признание такого утверждения верным привело бы к потере понятия «единообразие правопонимания и правоприменения». Единоеобразие юридической деятельности является общим знаменателем для всей практики органов предварительного расследования, прокуратуры, в конце концов, обеспечивает единство судебной системы страны. Несмотря на различные виды толкования права, применение казуального подхода ко многим вопросам, все это не приводит к разнородности и противоречивости в восприятии и применении правовых норм. Такое единообразие достигается самыми различными

способами — от уяснения базовых положений теории права в вузе до разъяснений Пленумом Верховного Суда РФ сложных вопросов законодательства и судебной практики. Все это и может служить основой единой методики юридической экспертизы.

Известна точка зрения о том, что объектом экспертизы по уголовному делу могут быть лишь материальные носители информации: «Статья 69 УПК РСФСР проведение экспертизы связывает с установлением фактических данных, на основе которых определяется наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела. «Правовая» экспертиза по самому определению *не может устанавливать какие-либо фактические данные*, ведь правовой анализ суть сопоставление содержания нормы и этих самых фактических обстоятельств»⁸.

А.Н. Борисов и С.И. Зернов отмечают: «Разумеется, эксперт не ограничивается только тем, что сопоставляет содержание правовой нормы и фактические обстоятельства. Применение некоторых правовых норм — не главное, не самоцель в его работе. Производство экспертизы подразумевает, прежде всего, проведение специальных исследований, и специальные правовые нормы применяются экспертом только в связи с их проведением»⁹. Л.В. Лазарева, проводя анализ особенностей правовых экспертиз, утверждает, что «объектом правовой экспертизы могут быть не только документы, но и явления (события, действия), которые связаны между собой»¹⁰.

Обязательной ли для правовой экспертизы, как и любой другой, является задача установления новых фактических данных? В приведенной выше цитате такой вывод сделан на основе буквального понимания доказательств по УПК РСФСР, которое критиковалось, чуть ли не всеми процессуалистами, поскольку не отражало реальное понимание доказательств не как сведений о фактических данных, а как самих фактов. В этой связи любые источники доказательств должны содержать сведения об обстоятельствах преступного события. При этом такие сведения могут быть представлены и в форме вывода на основе сопоставления нормы права и исследуемого события. Поэтому заслуживает поддержки позиция ученых, возражающих против рассмотрения традиционной судебной экспертизы исключительно как средства получения новых доказательств и определения этим ее *существенной черты*¹¹.

Вместе с тем, известна иная позиция, предполагающая установление новых фактов, в том числе при производстве юридической судебной экспертизы. Так, Е.Р. Россинская, со ссылкой на Т.В. Сахнову, пишет, что «для разрешения вопросов экспертизы необходимо применить целый ряд частнонаучных методов, таких как, например, логико-семантические и логико-структурные методы анализа, структурно-функциональный анализ, метод сравнительно-правового анализа, конкретно-социологические методы, метод экспертных оценок и другие. Очевидно, что следователь или судья не могут владеть этими методами в полном объеме. Проводя исследование с использованием указанных выше методов и основанное на применении специальных знаний, эксперт, как справедливо замечает Т.В. Сахнова, не объясняет уже имеющийся факт, а добывает новый и дает ему профессиональную оценку, которая и составляет содержание судебного доказательства — заключения эксперта»¹².

Также контраргументом тому, что правовая экспертиза не может устанавливать какие-либо фактические данные, может служить Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 июля 1997 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Российской Федерации уголовного законодательства об ответственности за уклонение от уплаты налогов». В пункте 17 разъясняется, что фактические данные, подтверждающие наличие или отсутствие в действиях подсудимого состава преступления, наряду с заключением эксперта, могут устанавливаться также актами документальных проверок исполнения налогового законодательства и ревизии финансово-хозяйственной деятельности.

Таким образом, потребность правоприменителя в правовых (юридических) экспертизах объективна и требует своего удовлетворения в части надлежащей процессуальной регламентации.

Список литературы

1. Баев О.Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него: Следственная тактика / О.Я. Баев. М., 2003.
2. Борисов А.Н. Пределы специальных познаний судебного эксперта — экономиста / А.Н. Борисов, С.И. Зернов // Журнал российского права. 2003. № 2. С. 56–64.
3. Гапон А.О. Два юриста — три мнения: к вопросу правовых исследований и экспертиз / А.О. Гапон // Судебная власть и уголовный процесс. 2012. № 1. С. 143–147.
4. Егупов А.В. К вопросу о правовых экспертизах по делам коррупционной направленности / А.В. Егупов // Эксперт-криминалист. 2010. № 1. С. 13–19.
5. Жариков Ю.С. Правовые экспертизы в механизме уголовно-правового регулирования / Ю.С. Жариков, В.М. Шамаров // Вестник екатерининского института. 2008. № 4. С. 11–14.
6. Земцова С.И. Проблемные вопросы соотношения правовых (юридических) и специальных знаний / С.И. Земцова // Современное право. 2009. № 9. С. 12–16.
7. Игнатченко Н.В. Правовые основы использования специальных познаний при расследовании преступлений / Н.В. Игнатченко // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2012. Вып. 5. С. 178–183.
8. Зинин А.М. О разграничении понятий субъектов использования и применения специальных знаний в уголовном процессе / А.М. Зинин // Эксперт-криминалист. 2010. № 2. С. 9–11.
9. Лазарева Л.В. Правовая экспертиза в уголовном судопроизводстве / Л.В. Лазарева // Судебная экспертиза. 2014. № 4 (40). С. 8–16.
10. Мохов А.А. Презумпция «судьи знают право» — рудимент правовой доктрины? / А.А. Мохов // Эксперт-криминалист. 2007. № 1. С. 3–8.
11. Россинская Е.Р. Использование специальных знаний в адвокатской деятельности (по уголовным и гражданским делам, делам об административных правонарушениях) / Е.Р. Россинская // Профессиональная деятельность адвоката как объект криминалистического исследования, Екатеринбург, 2002. URL: <http://rossinskaya.ru/articles/1.doc>
12. Россинская Е.Р. Специальные юридические знания и судебно-нормативные экспертизы / Е.Р. Россинская // Argumentum ad iudicium. ВЮЗИ — МЮИ — МГЮА: Труды. М., 2006, Т. 2. С. 234–241. URL: http://rossinskaya.ru/articles/Trud_75.doc
13. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе / Е.Р. Россинская. М., 2005.
14. Селина Е.В. Применение специальных познаний в уголовном процессе / Е.В. Селина. М., 2002.

15. Степутенкова В.К. Значение судебной экспертизы для уголовно-правовой оценки исследуемого события / В.К. Степутенкова // Правовые и методологические проблемы судебной экспертизы. 1974. Вып. 10. С. 83–106.

16. Эксархопуло А.А. Специальные познания и их применение в исследовании материалов уголовного дела / А.А. Эксархопуло СПб., 2005.

17. Яни П. «Правовая» экспертиза в уголовном деле / П. Яни // Законность. 2001. № 9. С. 21–24.

1. Россинская Е.Р. Специальные юридические знания и судебно-нормативные экспертизы // Argumentum ad iudicium. ВЮЗИ — МЮИ — МГЮА: Труды. М., 2006, Т. 2. С. 234–241. URL: http://rossinskaya.ru/articles/Trud_75.doc
2. См.: Баев О.Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него: Следственная тактика. М., 2003. С. 348; Игнатченко Н.В. Правовые основы использования специальных познаний при расследовании преступлений // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2012. Вып. 5. С. 180.
3. Жариков Ю.С., Шамаров В.М. Правовые экспертизы в механизме уголовно-правового регулирования // Вестник екатерининского института. 2008. № 4. С. 14.
4. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2005. С. 17.
5. Яни П. «Правовая» экспертиза в уголовном деле // Законность. 2001. № 9. С. 23.
6. Россинская Е.Р. Использование специальных знаний в адвокатской деятельности (по уголовным и гражданским делам, делам об административных правонарушениях) // Профессиональная деятельность адвоката как объект криминалистического исследования, Екатеринбург, 2002. URL: <http://rossinskaya.ru/articles/1.doc>
7. Гапон А.О. Два юриста — три мнения: к вопросу правовых исследований и экспертиз // Судебная власть и уголовный процесс. 2012. № 1. С. 147.
8. Яни П. Указ. раб. С. 22. Эта идея поддержана: Селина Е.В. Применение специальных познаний в уголовном процессе. М., 2002. С. 22; Земцова С.И. Проблемные вопросы соотношения правовых (юридических) и специальных знаний // Современное право. 2009. № 9. С. 16.
9. Борисов А.Н., Зернов С.И. Пределы специальных познаний судебного эксперта — экономиста // Журнал российского права. 2003. № 2.
10. Лазарева Л.В. Правовая экспертиза в уголовном судопроизводстве // Судебная экспертиза. 2014. №4. С.12.
11. Степутенкова В.К. Значение судебной экспертизы для уголовно-правовой оценки исследуемого события // Правовые и методологические проблемы судебной экспертизы. 1974. Вып. 10. С. 83; Эксархопуло А.А. Специальные познания и их применение в исследовании материалов уголовного дела. СПб., 2005. С. 90.
12. Россинская Е.Р. Специальные юридические знания и судебно-нормативные экспертизы ... С. 234–241.

Идентификация колюще-режущих орудий в случаях повреждений плоских костей*

Кислов Максим Александрович,
доцент кафедры судебной медицины
ФУВ ГБУЗ МО МОНИКИ им. М.Ф. Владимирского,
кандидат медицинских наук
smedik@gmail.com

На проведенной серии экспериментов с повреждением плоских костей и на основании полученных результатов обоснован механизм их образования и выявлены новые признаки для определения метрических характеристик орудия преступления.

Ключевые слова: колото-резаные повреждения, плоские кости, колюще-режущие орудия, идентификация, математическое моделирование.

Based on a series of conducted experiments with flat bones damage and on the obtained results, the mechanism of their formation has been substantiated and new features for determining metrical characteristics of the crime tool have been revealed.

Key words: *piercing and cutting damages, flat bones, piercing and cutting weapons, identification, mathematical modeling.*

Обоснование. В судебно-медицинской практике повреждения плоских костей колюще-режущими орудиями встречаются не так уж и часто, но для медиков-криминалистов они являются важным объектом исследования при установлении орудия травмы.

Так, при судебно-медицинском исследовании трупов и живых лиц с колото-резаными повреждениями перед экспертом ставится вопрос определения орудия травмы и механизма нанесения повреждений. В тех случаях, когда судебно-следственные органы предоставляют на экспертизу орудие, изъятое в качестве вещественного доказательства, необходимо установить возможность его применения при нанесении конкретных повреждений.

Чтобы повысить уровень доказательной базы выполняемых экспертиз, медицинской научной общественностью постоянно проводятся все новые и новые исследования этого вида повреждений. Несмотря на то, что научные разработки по изучению колото-резаных повреждений ведутся с XIX века, экспериментальные и практические исследования в этой области в настоящее время не потеряли своей актуальности.

На данный момент опубликовано много работ, посвященных изучению особенностей колото-резаных ран кожного покрова, которые позволяют определять групповые параметры травмирующего орудия — ширину клинка, характер острия, характеристику обуха [2, 3, 4]. Наряду с повреждениями кожных покровов, происходят повреждения костной ткани колюще-режущими орудиями. Однако освещение данной проблемы и основные исследования были проведены в конце XIX — начале XX века [7, 9, 10, 11].

Колото-резаные повреждения костей особое значение приобретают при исследовании трупов, подвергшихся гнилостным изменениям или скелетированию. Кости противостоят гниению, поэтому они могут быть ценным вещественным доказательством даже спустя значительное время после происшествия. Эти повреждения всегда особенно интересуют исследователей, так как кости вследствие свойственной им пластичности нередко хорошо отражают особенности орудия травмы [5].

Исследования колото-резаных повреждений плоских костей в работах прошлого века проводились с различных

позиций: исследовали морфологию, биомеханику нанесения повреждений; определяли экспертные критерии, позволяющие проводить идентификацию конкретного следообразующего объекта.

В настоящее время в медицину и криминалистику внедряются все новые и новые компьютерные технологии — трехмерные исследования, математическое моделирование и т.д. [1, 8]. Судебная медицина не стала исключением — новейшие компьютерные технологии повсеместно активно используются в экспертной практике. Именно таким является метод конечных элементов, применяемый для моделирования колото-резаных повреждений кожи, огнестрельных повреждений и травмы тупыми предметами [6]. При этом широко используются законы механики деформированного твердого тела и теории резания материалов.

Однако ни значение слоистости костной ткани, ни механизм образования колото-резаных повреждений плоских костей с позиции математического моделирования в литературе не рассматривались. Мы решили восполнить этот пробел и провести исследование в данном направлении.

Материалы и методы. Экспериментальные наблюдения 520 колото-резаных повреждений проводили с учетом переживаемости тканей¹ в конце первых — начале вторых суток после наступления смерти.

Изучение литературы в целях выявления экспериментальных работ, касающихся колото-резаных повреждений, показало, что глубина погружения клинка, его ширина на уровне погружения, направление вкола, односторонняя заточка клинка, локализация и т.д. близки по значениям при наблюдении в различных регионах (от Дальневосточного до Московского) и в среднем глубина погружения составляет от 5,1 см до 5,8 см. Исходя из этого, длина клинка нами была выбрана 5,4 см. Толщина клинка (по толщине средней части обуха) — 0,12 см. Ширина клинка на уровне погружения определена как равная 1,5–1,88 см.

Условия формирования повреждений костей при колюще-режущем воздействии мы рассматривали как статическое нагружение объекта индентором (поступательное движение руки с ножом до 10 м/с).

Костные фрагменты с повреждениями очищались методом биологической мацерации (выдерживались в термо-

* Identification of Piercing and Cutting Weapons in Case of Flat Bones Damage

Kislov Maxim A., Assistant Professor of the Forensic Medicine Department of the M.F. Vladimirsky Moscow Region Research Clinical Institute, Candidate of Medical Sciences

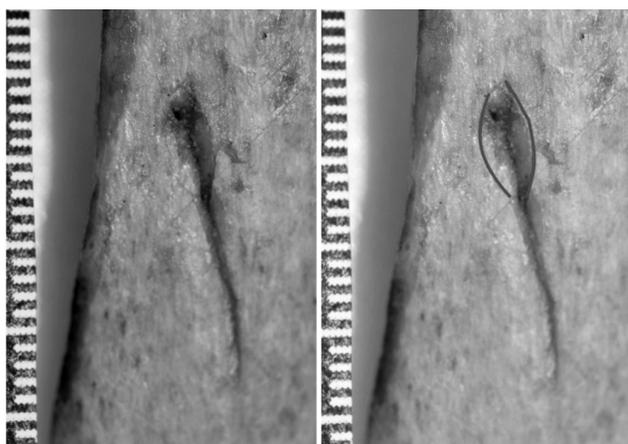

Рис. 1. Скошенность стенок при перпендикулярном внедрении ножа относительно плоскости ребра (вид со стороны НКП)

стате при температуре 30–38 градусов в течение 5–7 суток). Остатки мягких тканей щадяще удалялись деревянным шпателем.

Результаты. При погружении клинка происходит два вида нагружения — плавный переход резания в торец в продольное или поперечное резание. Сила резания возрастает прямо пропорционально перемещению режущей кромки, уплотнение в поперечном направлении, продольный изгиб.

По мере погружения ножа вглубь на боковых поверхностях формируются сдвиговые деформации, при этом наблюдается скошенность стенок обоих краев повреждения (рис. 1).

Параллельно с процессом разрушения, направленным снаружи вовнутрь (локальное, поперечное разрушение) происходит и разрушение костной ткани, носящее продольный, конструкционный характер. Поля заточки реза, а затем и его рабочие поверхности (применительно к ножу — боковые поверхности клинка) в виде клина, погружаясь в костную ткань, оказывают поперечное давление на края линии разрушения. Возникает своеобразный «распор», деформация отрыва, в результате которой от углов зоны резания формируются трещины распора.

Обращаясь к теории резания материалов при внедрении ножа в кость, надо сказать, что в начале внедрения работает лезвие, которое перерезает стенки волокон, а полями заточки сминает материал. При этом усилие $P_{рез}$ на лезвие возрастает пропорционально глубине его внедрения. При дальнейшем движении реза увеличивается площадь соприкосновения его полей заточки и боковых поверхностей клина с материалом и смятие прекращается; в отогнутых частях материала накапливается потенциальная энергия. Впоследствии, при погружении клинка ножа, накопившаяся потенциальная энергия начинает разрушать материал, разрывая волокна в поперечном направлении вблизи его лезвия. То есть, накопившаяся потенциальная энергия превышает предел прочности материала и создает трещину распора, которая берет свое начало из стенок.

Наибольшие силы — напряжения и деформации в процессе раскалывания возникают в начале появления трещины перед лезвием. Отсюда видно, что собственно режущая кромка лезвия играет активную роль только до появления трещины распора и в дальнейшем процессе разрушения объекта фактически не участвует.

Трещина распора формируется не только вдоль нанесения повреждения, но и со стороны одной либо одновременно двух режущих кромок (рис. 2).

Так как трещина распора берет свое начало вслед за смятием костной пластинки, то трещины имеют линейную форму, ветвление их отсутствует, края ровные. Вслед за зоной смятия костной пластинки располагается зона первичного разрыва. Края в этой области ровные, хорошо сопоставимы. Края перелома в этой области отвесные, поверхность в этой зоне мелкозернистая. Поскольку направление раневого канала направлено вдоль слоистости ребра, то они получают значительное развитие. Длина их достигает более $\frac{1}{2}$ раны. Коротких трещин практически не наблюдается.

В целом входное повреждение на ребре имело следующую морфологию:

- зоне действия острия соответствовал участок смятия (сколов) наружного слоя кости (далее — компакты) с треугольным дефектом, по размеру соответствующим размерам зоны острия клинка;

- далее, в направлении острого конца, края повреждения были ровные на участке 10 ± 6 мм (за счет собственно резания);

- потом края повреждения приобретали мелко-неровный характер за счет того, что в их формировании превалировала трещина распора (75 ± 15 мм).

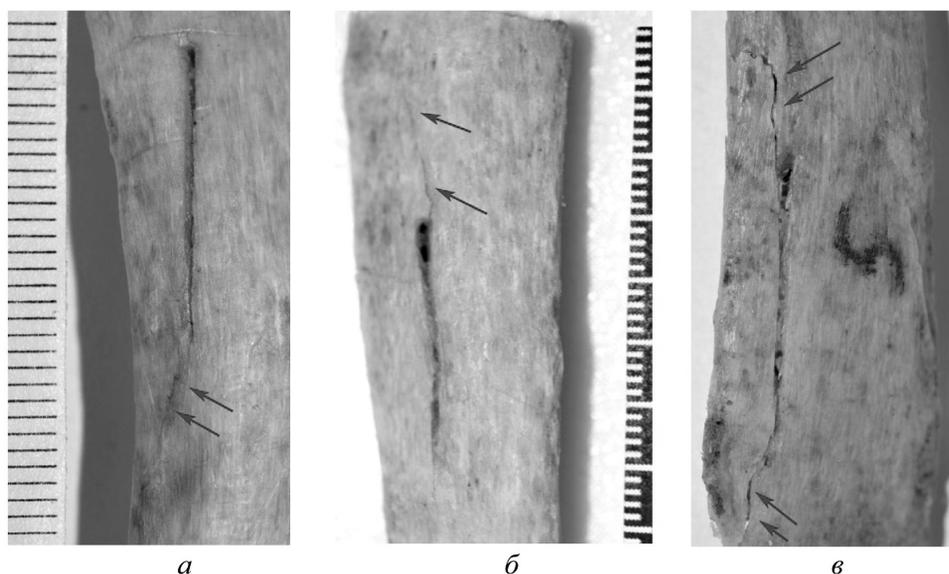

Рис. 2. Трещины распора (отмечены стрелками): а) от острого конца повреждения; б) от тупого конца повреждения; в) две трещины от острого и тупого концов повреждения

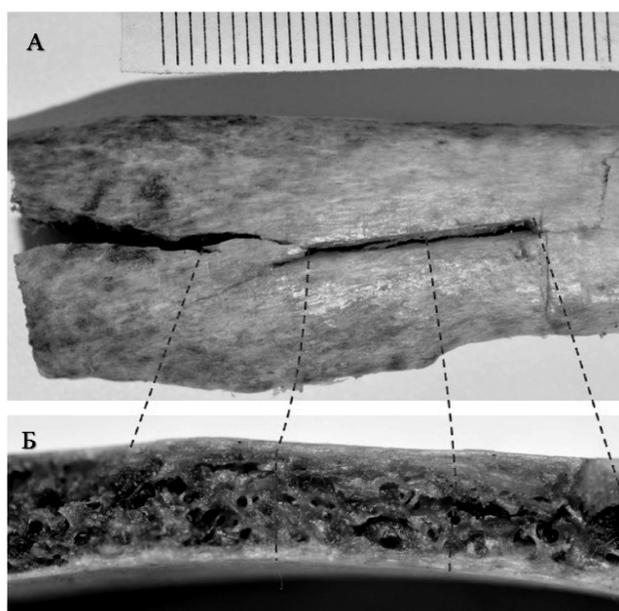

Рис. 3. Морфология колото-резаного повреждения ребра: а) со стороны НКП; б) профиль раневого канала в кости (пунктирными линиями отмечены участки соответствия краев и стенок повреждения)

При профильном исследовании повреждения нами были выделены три зоны, соответствующие морфологии входного повреждения: участок действия зоны острия, участок действия лезвия (резания), участок излома (трещина распора) (рис. 3).

На первом участке регистрировалось продольное расслоение наружной костной пластинки (далее — НКП), смятие (уплощение в поперечном направлении) ячеек губчатого вещества кости. Соответственно действию ребра отчетливо фиксировался невооруженным глазом участок зашлифованности компакты и спонгиозы. Описанная морфология повреждения соответствует ранее полученным данным — аналогичная морфология отмечена при изучении рубленых повреждений плоской кости черепа под воздействием рубящих предметов [7]. Отмеченное соответствие объясняется единым механизмом образования повреждений — торцевое резание.

Профильное исследование стенок раневого канала повреждения позволяет четко определить точку вкола — зону действия острия клинка. Характер деформации НКП и ячеек спонгиозы позволяет дать оценку направления воздействия острия клинка и метрические характеристики острия клинка (рис. 4).

Переход от первого участка ко второму регистрируется в виде углообразного изгиба края и стенки повреждения.

Участок действия лезвия (собственно резания) макроскопически определяется как ровная плоскость отделения. Деформация ячеек спонгиозы отсутствует. При исследовании участка зоны действия острия с увеличением до $\times 10$ хорошо видна плоскость разделения, которая представлена в виде незначительно выступающих и западающих плавных волнистых участков (рис. 5). Наиболее выступающие участки

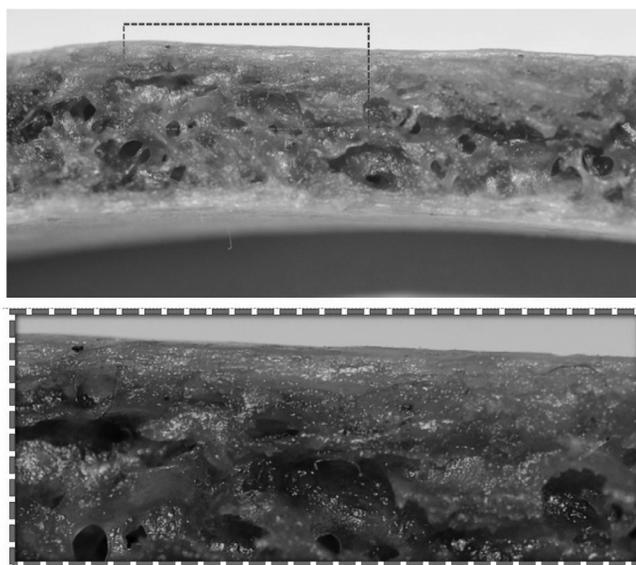

Рис. 5. Участок резания на стенке колото-резаного повреждения ребра: мелкие осколки компакты: а) общий план стенки колото-резаного повреждения, б) микрофотография зоны опережающей трещины (выделена пунктиром)

кости имеют выраженный блеск — это указывает на зашлифованность поверхности от действия полей заточки клинка.

Со стороны внутренней костной пластинки края повреждений формировались вспученными участками компакты. Наиболее часто сколы компакты соответствовали зоне внедрения острия, обуха и зоны острия.

Выводы. Входное колото-резаное повреждение образует дефект костной ткани с краями, образованными смятой компактой вблизи обуха. За счет раздвигания краев повреждения и последующего их смыкания, ширина повреждения не будет превышать реальные размеры толщины клинка. В связи с этим при оценке погружившейся части клинка ножа в выводах необходимо учитывать полученные результаты.

За счет образования трещины распора, которая ввиду слоистости ребра получает большую протяженность и варьируется в пределах 75 ± 15 мм, при оценке длины клинка нельзя судить о его погружившейся части.

Все вышеизложенное подтверждает теорию резания материалов: переход одного вида нагружения в другой формирует различную морфологическую картину. В начале за счет торцевого резания отмечается скошенность стенок по краям повреждения, далее происходит смена торцевого вида резания в продольное и края повреждения становятся ровными, отвесными. В последующем вследствие накопившейся потенциальной энергии, которая превышает предел прочности материала и разрывает волокна, формируется трещина «распора» и нож как бы «проваливается» в кость.

Полученные данные позволяют сформировать взгляд на механизм образования колото-резаных повреждений плоских костей и открывают новые возможности идентификации орудий, их оставивших.

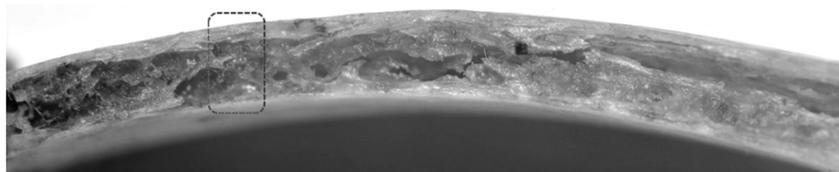

Рис. 4. Точка вкола на стенке колото-резаного повреждения ребра

Список литературы

1. Аминев Ф.Г. Современный уровень развития криминалистической техники требует совершенствования организации ее применения / Ф.Г. Аминев // Эксперт-криминалист. 2013. № 4. С. 30–33.
2. Загрядская А.П. Определение орудия травмы при судебно-медицинском исследовании колото-резаного орудия / А.П. Загрядская. М., 1967.
3. Иванов И.Н. Морфология следа острия колюще-режущих орудий в колото-резаных повреждениях: автореф. дис. ... канд. мед. наук / И.Н. Иванов. Л., 1991.
4. Карякин В.Я. Судебно-медицинское исследование поврежденных колюще-режущими орудиями / В.Я. Карякин. М., 1966.
5. Кислов М.А. Определение вида внешнего воздействия на основе анализа морфологии излома длинных трубчатых костей нижних конечностей / М.А. Кислов, В.И. Бахметьев // Судебно-медицинская экспертиза. М., 2008. С. 11–13.
6. Кислов М.А. Математическое моделирование автомобильной травмы методом конечных элементов (случай из практики) / М.А. Кислов, С.В. Леонов // Актуальные вопросы медико-криминалистической экспертизы: современное состояние и перспективы развития: материалы научно-прак-

тической конференции, посвященной 50-летию МКО БСМЭ Московской области. Самара, 2013. С. 184–192.

7. Леонов С.В. Дифференциальная диагностика рубленых повреждений кожи и плоских костей черепа по признаку остроты лезвия: автореф. дис. ... докт. мед. наук / С.В. Леонов. М., 2007.

8. Погребной А.А. Значение следов рикошета для поиска пуль на месте происшествия и определения местоположения стрелявшего / А.А. Погребной // Эксперт-криминалист. 2013. № 4. С. 20–24.

9. Райский М.И. Судебная медицина: для студентов и врачей / М.И. Райский. М., 1953.

10. Самарский А.А. Математическое моделирование: Идеи. Методы. Примеры. — 2-е изд., испр. / А.А. Самарский, А.П. Михайлов. М., 2001.

11. Скопин И.В. Судебно-медицинское исследование поврежденных рубящими орудиями / И.В. Скопин. Саратов, 1960.

¹ Понятие «переживаемость» используется для указания на способность мышечной ткани реагировать на различные внешние раздражители (механическое воздействие).

**Принимаем
к опубликованию
ваши статьи,
обзоры,
рецензии!**

**avtor@lawinfo
www.lawinfo.ru**

Стадия возбуждения уголовного дела: экспертиза или исследование?*

Кудрявцев Павел Александрович,
старший следователь-криминалист военного следственного
управления Следственного комитета России
по Ракетным войскам стратегического назначения,
подполковник юстиции
kudryavtsev.pavel@inbox.ru

В статье приводится сравнительный анализ процессов назначения судебной экспертизы либо исследования, ревизии и документальной проверки на стадии возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: ревизия на стадии возбуждения дела, судебная экспертиза в рамках доследственной проверки, назначение экспертизы.

In the article the comparative analysis of processes of setting of judicial examination or research, revision and documentary verification on the stage of excitation of criminal case is carried.

Key words: audit at the stage of excitation of criminal case, forensic in the framework of the preliminary investigation, setting of examination.

Ранее (до внесения изменений в УПК РФ в сентябре 2007 г.) правоприменителями неоднозначно решался вопрос о возможности назначения экспертизы на стадии доследственной проверки. Всему «виной» была формулировка ч. 4 ст. 146 УПК РФ о необходимости направления прокурору в качестве приложений к постановлению о возбуждении уголовного дела протоколов и постановлений исчерпывающего перечня: осмотра места происшествия, освидетельствования, назначения судебной экспертизы. Причем действовавшая в тот период редакция ст. 176 УПК РФ предполагала проведение осмотра до возбуждения уголовного дела только в случаях, не терпящих отлагательства. Прямого указания на возможность проведения на этой стадии иных следственных действий закон не содержал. Отсюда возникал вопрос о законности проведения освидетельствования и назначения экспертизы, точнее, вынесения соответствующих постановлений, на стадии доследственной проверки.

Сейчас подобные неясности в уголовно-процессуальном законе отсутствуют. Зато вновь развернулась дискуссия о целесообразности производства судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела¹. Отчасти это связано с тем, что после придания фигуранту статуса подозреваемого (тем более — обвиняемого), а пострадавшему — потерпевшего, их ходатайства о производстве повторной или дополнительной экспертизы, подлежат удовлетворению безоговорочно (ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ). Не является решением проблемы реализация положений ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, предусматривающих разъяснение участвующим в процессе лицам соответствующих прав и обязанностей, обеспечение возможности осуществления этих прав, в части, затрагивающей их интересы.

Как отмечалось ранее, «единственный участник процесса, который как-то обозначен помимо лица, уполномоченного на назначение экспертизы — это заявитель, если поводом к возбуждению уголовного дела являются заявление о преступлении или явка с повинной»². Поэтому в случае его заинтересованности назначение экспертизы должно осуществляться в режиме «разъяснения прав и обязанностей, а также возможности осуществления этих прав»³.

Суждение, что в случае назначения экспертизы с согласия заявителя отсутствует риск признания доказательства недопустимым⁴, представляется небесспорным ввиду отсутствия в законе критерия возможности отказа в удовлетворении ходатай-

ства о проведении дополнительной либо повторной судебной экспертизы после возбуждения уголовного дела. Тем не менее, лучше обладать правомочием производства процессуального действия, нежели быть лишенным такой возможности.

Учитывая наличие процессуальных полномочий стороны защиты, незаинтересованной в получении доказательств совершенного преступления (фактически безальтернативного права требования повторного проведения экспертизы после возбуждения уголовного дела), необходимо принимать во внимание, что некоторые виды экспертиз предполагают частичное или полное расходование представленных на экспертизу объектов либо изменение их первоначального состояния. Это может сделать невозможным их повторное исследование (кроме как по материалам уголовного дела), а, следовательно, и получение соответствующих экспертных выводов.

Наряду с полномочиями по назначению экспертизы до возбуждения уголовного дела, ч. 1 ст. 144 УПК РФ предусматривает и возможность субъекта поисково-познавательной деятельности «требовать производства исследований документов, предметов, трупов». На первый взгляд эти весьма похожие процедуры на деле имеют существенные отличия.

Прежде всего нужно иметь в виду, что процесс назначения и производства судебной экспертизы строго формализован, как УПК РФ, так и иными нормативными правовыми актами, от момента вынесения постановления о назначении экспертизы до ее окончания и оценки полученного заключения эксперта (или сообщения о невозможности дать заключение), включая порядок представления материалов в распоряжение эксперта, непосредственное производство исследований и т.д., и т.п.

К примеру, Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» содержит запрет на проведение экспертизы в отношении лица в принудительном порядке или дачу письменного согласия законного представителя недееспособного или лица, не достигшего 16-летнего возраста (ст. 28). Нарушение указанных требований не только безусловно повлечет признание полученного доказательства недопустимым, но также может быть расценено как прямое нарушение прав участников процесса, с привлечением к ответственности должностных лиц, их допустивших.

* Stage of Criminal Case Initiation: Expertise or Research?

Kudryavtsev Pavel A., Senior Investigative Criminologist of the War Investigative Direction of the Investigative Committee of Russia on Strategic Missile Forces Lieutenant Colonel of Justice

Проведение исследований и ревизий (документальных проверок) с соблюдением подобных жестких требований не связано.

Признав необходимым назначение судебной экспертизы, следователь выносит об этом постановление, что обуславливает необходимость выполнения определенных действий в строгом соответствии с Законом. Нарушение требований ст. 195 УПК РФ будет свидетельствовать о незаконности принятого процессуального решения.

Здесь надо сказать, что ч. 1 ст. 195 УПК РФ предусматривает особый порядок назначения экспертизы, связанной с необходимостью помещения подозреваемого или обвиняемого в условия медицинского или психиатрического стационара — по судебному решению. Проведение этой процедуры до возбуждения уголовного дела невозможно.

Формализованность процесса назначения и производства судебной экспертизы предполагает совершение ряда обязательных действий, предусмотренных главой 27 УПК РФ. Особенно, если имеется необходимость привлечения нескольких экспертов, когда речь идет о производстве комиссионной или комплексной экспертизы. В тексте постановления обязательно указание фамилии, имени и отчества эксперта (экспертов) либо наименования экспертного учреждения (п. 2 ч. 1 ст. 195 УПК РФ).

Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по вопросам судебной экспертизы⁵ позицию законодателя детализируют — в п. 3 отмечается необходимость получения и отображения в соответствующем постановлении дополнительных сведений: образование, специальность, стаж работы, данные, свидетельствующие о компетентности и квалификации, при поручении производства экспертизы лицу, не являющемуся государственным судебным экспертом.

Назначение судебной экспертизы подразумевает наличие дополнительных прав участников (ознакомление с постановлением, корректировка вопросов, определение экспертных учреждений, присутствие при производстве и т.д.), реализация (ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ) либо нарушение (п. 15 Постановления Пленума ВС РФ) которых может привести к назначению повторной экспертизы.

Верховным Судом РФ также обращено внимание на обязанность ознакомления с постановлением о назначении экспертизы участников до ее производства либо непосредственно после приобретения соответствующего процессуального статуса (п. 9 Постановления Пленума ВС РФ).

Подобная детализация прав участников при назначении исследования либо ревизии (документальной проверки) в нормативных документах отсутствует, что упрощает организацию их проведения.

Замена либо привлечение к производству экспертизы другого эксперта осуществляется путем разрешения (не всегда положительно) соответствующих ходатайств (п. 2 ч. 3 ст. 57 УПК РФ). После их удовлетворения у лица, проводящего доследственную проверку, возникает обязанность повторного ознакомления участников с «новым» постановлением о назначении экспертизы либо изменениями, внесенными в «старое», с разъяснением прав, обязанностей и т.д. Аналогичная ситуация возникает при необходимости изменения «категории» экспертизы на комплексную либо комиссионную.

При производстве исследования либо ревизии (документальной проверки) проведение указанных процедур не требуется. Состав привлекаемых специалистов может изменяться в зависимости от субъективных (отпуск, заболевание, увольнение работника и т.д.) и объективных (увеличивающийся объем проводимых исследований при изъятии дополнительных документов либо получении информации и т.д.) причин. Привлечение лиц, обладающих специфическими знаниями (например, порядка финансирования, учета, способов контроля Минобороны России, в некоторых отраслях космической, ракетостроительной, химической промышленности и т.д., имеющих особый регламент), также не требует формализованных согласований с участниками либо формирования дополнительных процессуальных документов.

Необходимо отметить, что об отсутствии обязательств по разъяснению соответствующих прав участников однозначно

можно говорить лишь в случае поручения исследования уполномоченному лицу в порядке реализации положений ч. 4 ст. 21 УПК РФ. Они обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями и гражданами, и могут быть облечены в форму документа (отношения, запроса, поручения и т.д.), к которому Закон не предъявляет дополнительных требований.

При назначении исследования, ревизии (документальной проверки) путем вынесения соответствующего постановления дела обстоит несколько сложнее.

Правовым основанием для этого являются положения ч. 1 ст. 144 УПК РФ. Кроме того, требования к составлению любого процессуального документа закреплены в ч. 4 ст. 7 УПК РФ. Оно должно быть законным, обоснованным и мотивированным. В постановлении должны быть указаны: дата и место вынесения постановления; должностное лицо, его вынесшее; обоснование назначения исследования (ревизии, документальной проверки); учреждение либо непосредственно лицо, которому поручается производство исследования (ревизии, документальной проверки); вопросы, подлежащие выяснению.

С процессуальной точки зрения различия между поручением производства исследования соответствующим постановлением либо иным, указанным выше документом, могут быть весьма существенными. Речь здесь идет, прежде всего, об обеспечении возможности прав участников в части затрагиваемых их интересов (то есть ознакомлении с постановлением, присутствии при производстве исследований, обжаловании принимаемых процессуальных решений и т.д.), содержащихся в ч. 1.1 ст. 145 УПК РФ в общем виде. Специфика данной ситуации заключается в отсутствии конкретизации указанных прав в Законе и каких-либо толкований по данному вопросу.

Существенным ограничением «поля деятельности» эксперта является запрет, установленный п. 2 ч. 4 ст. 58 УПК РФ, — «собирать материалы для экспертного исследования». Введение такого рода ограничений в рамках уголовного дела обоснованно и понятно. При производстве доследственной проверки они не всегда актуальны.

Например, если речь идет об определении тяжести вреда здоровью, когда место дислокации эксперта совпадает с местом дислокации медучреждения (что, как правило, и бывает), куда госпитализирован пострадавший, и для этого необходимо воспользоваться медицинской документацией. Эксперт может «пойти посмотреть» историю болезни пациента и сделать необходимые выписки. Формально такие действия могут быть расценены как запрещенный самостоятельный сбор материалов для экспертного исследования. В соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства необходимая медицинская документация должна быть получена госпиталителем в медучреждении и затем направлена эксперту либо в экспертное учреждение (с регистрацией поступления и отправки в журналах входящей и исходящей корреспонденции). Очевидно, что эта процедура осложнит ведение медицинской документации, прежде всего истории болезни, сотрудниками медучреждения, когда пострадавший там находится на лечении. К тому же, в случае необходимости фиксации экспертом продолжительности лечения, процедуру придется повторить.

Аналогичные ситуации могут возникнуть при производстве экспертных исследований с использованием результатов (актов, отчетов и т.д.) проверок надзорных и контрольных органов (пожарного, технического надзора и т.д.), осуществляющих свою деятельность параллельно с органами предварительного расследования.

Двойное толкование может вызывать также право, предусмотренное п. 5 ч. 1 ст. 198 УПК РФ — «присутствовать с разрешения следователя при производстве судебной экспертизы, давать объяснения эксперту». Несмотря на то, что оно касается подозреваемого, обвиняемого, защитника и потерпевшего, которых до возбуждения уголовного дела быть не может (имеется в виду процессуальный статус заинтересованных лиц). Расплывчатые формулировки ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, обязывающие обеспечивать возможность осуществления прав «лицам, участвующим в производстве процессуальных

действий», в части затрагиваемых интересов, могут истолковываться заинтересованными участниками в свою пользу. При этом «непредоставление» либо отказ в предоставлении такой возможности, воспринятые как существенное нарушение прав, может повлечь признание в дальнейшем полученного доказательства недопустимым.

Отдельно нужно отметить, что предоставляя одной стороне лишь право «присутствия», права другой стороны — следователя на этой стадии процесса, напротив, расширены до возможности «принятия участия», что лишней раз указывает на «монополию» стороны обвинения на судебно-экспертную деятельность⁶.

Сложно сказать, какими соображениями руководствовался законодатель, вводя такую норму. Вряд ли это позволит избежать возможных нападков на лиц, проводящих доследственную проверку на стадии, когда большинство процессуальных действий производится на «одном месте». Как правило, это место происшествия, когда и осмотр, и освидетельствование лиц, и получение объяснений (особенно очевидцев), и производство экспертизы, происходят практически одновременно, в целях оперативности закрепления фактических обстоятельств и недопущения утраты следов произошедшего события. В таких случаях достаточно сложно дифференцировать манипуляции, совершаемые в рамках каждого из процессуальных действий. Следовательно, проще найти основания для их обжалования заинтересованными лицами.

При этом после возбуждения уголовного дела, в соответствии с ч. 1 ст. 197 УПК РФ, следователь обладает лишь правом присутствовать при производстве судебной экспертизы и получать разъяснения эксперта по поводу проводимых им действий.

Результаты исследований и ревизий (документальных проверок) могут быть оформлены любым документом (актом, ответом на запрос или поручение, сообщением, суждением, заключением и т.д.), на который не распространяются требования ст. 204 УПК РФ по оформлению заключения эксперта и ст. 206 УПК РФ о необходимости его предъявления заинтересованным лицам.

В пункте 4 указанного выше Постановления Пленум ВС РФ особо обращает внимание на недопустимость постановки перед экспертом правовых вопросов, которые по сути входят за рамки специальных знаний, поскольку связаны с оценкой исследуемого деяния. Это касается, в частности, таких формулировок как «нарушения», «виновность», «причастность» и т.д., которые характеризуют психическое отношение лица (конкретного или абстрактного) к совершенным им действиям. При ответах на поставленные перед экспертом вопросы речь может идти только о выявлении (установлении) «несоответствия» действий установленным приказам, правилам, руководящим документам и т.д. Психическое отношение к деянию, является характеристикой вины, которая относится к субъективной стороне преступления, подлежащей доказыванию уполномоченными должностными лицами (ч. 1 ст. 73 УПК РФ)⁷.

Поскольку подобных ограничений при производстве исследований нет, несколько иным образом формулируются выводы при подготовке акта ревизии (документальной проверки) либо исследования. Лица, их осуществляющие, как правило, стараются определить конкретных нарушителей и конкретизировать, в чем именно заключались нарушения. Очевидно, что в дальнейшем такие выводы требуют дополнительной проверки в ходе расследования.

Кроме того, закон предполагает уголовную ответственность за дачу заведомо ложного заключения экспертом (ст. 307 УК РФ). Это правило не распространяется на заключения и иные документы, составляемые специалистами.

Постановление о назначении судебной экспертизы, в том числе и на стадии доследственной проверки, обязательно для исполнения государственными экспертными учреждениями. Исполнение иных обращений следователя, на практике нередко происходит по «остаточному принципу», к тому же возможность их принудительного исполнения Законом не предусмотрена.

Принципиальное отличие эксперта от специалиста, в том, что эксперт проводит исследование, по результатам которого

дает заключение (ст. 57 УПК РФ), а специалист высказывает суждение по вопросам, входящим в его компетенцию (ст. 58 УПК РФ)⁸. При этом несоответствие документа, изготавливаемого экспертом по результатам исследования, — заключения эксперта требованиям ст. 204 УПК РФ, может повлечь признание доказательства недопустимым. Определенной формы заключения специалиста УПК РФ не предусматривает. Суть понятия «заключение специалиста» законодатель не раскрыл, было введено лишь указание о допустимости использования его в качестве доказательства наряду с показаниями специалиста (п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ).

Некоторыми учеными⁹ высказывается мысль, что заключение специалиста представляется, как правило, стороной защиты, так как сторона обвинения при необходимости назначает экспертизу либо допрашивает специалиста. Думается, коль скоро УПК РФ не содержит каких-либо ограничений в части получения указанного доказательства, его можно и нужно использовать обеим сторонам для установления обстоятельств исследуемого события.

Что касается возможности получать заключение эксперта на стадии доследственной проверки в разумный срок, то указанные правомочия носят в большей степени декларативный характер. Закон не определяет «границы разумности» этого срока, за исключением отдельных видов экспертиз¹⁰, и не предусматривает ответственность за его нарушение. Проведение разного рода экспертных исследований по объективным причинам не может быть ограничено сроками доследственной проверки.

Таким образом, необходимость проведения экспертизы либо исследования (ревизии, документальной проверки) до возбуждения уголовного дела не конкретизируется в УПК РФ. Решение о способе получения информации, должно приниматься лицом, проводящим проверку сообщения о преступлении, по его усмотрению.

Опасность при выборе предложенных способов заключается в возможности повторного исследования одних и тех же объектов по причине необходимости восстановления нарушенных прав заинтересованных лиц, при заявлении ими соответствующих ходатайств. Указанные обстоятельства, прежде всего, отнимают время, а также могут стать причиной частичной или полной утраты или видоизменения представленных объектов при применении разрушающих методов исследования.

При этом нужно отметить, что при отсутствии перспективы уголовного преследования, выбор, сделанный в пользу производства экспертизы либо исследования (ревизии, документальной проверки), особого значения иметь не будет, ввиду отсутствия необходимости оценки доказательств на предмет их допустимости.

Список литературы

1. Артемова В.В. Проблемные аспекты реализации истребования и изъятия предметов и документов на этапе возбуждения уголовного дела / В.В. Артемова // Российский следователь. 2014. № 3. С. 3–5.
2. Белкин А.Р. Новеллы уголовно-процессуального законодательства — шаги вперед или возврат на проверенные позиции? / А.Р. Белкин // Уголовное судопроизводство. 2013. № 3. С. 14–20.
3. Комиссарова Я.В. Проблемные аспекты постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» / Я.В. Комиссарова // Российский судья. 2011. № 3. С. 28–30.
4. Кудрявцева А.В. Рецензия на монографию В.М. Быкова, Л.В. Березиной «Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела по УПК РФ» / А.В. Кудрявцева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2007. № 28. С. 113–118.
5. Тарасов А.А. Судебная экспертиза до возбуждения уголовного дела в контексте Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности» / А.А. Тарасов // Евразийский юридический журнал. 2014. № 1. С. 125–127.

- ¹ См., например: Белкин А.Р. Новеллы уголовно-процессуального законодательства — шаги вперед или возврат на проверенные позиции? // Уголовное судопроизводство. 2013. № 3 С. 14–20; Артемова В.В. Проблемные аспекты реализации истребования и изъятия предметов и документов на этапе возбуждения уголовного дела // Российский следователь. 2014. № 3. С. 3–5.
- ² Тарасов А.А. Судебная экспертиза до возбуждения уголовного дела в контексте Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности» // Евразийский юридический журнал. 2014. № 1. С. 125–127.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // СПС «КонсультантПлюс».
- ⁶ Тарасов А.А. Указ. раб.
- ⁷ Здесь надо отметить, что государственные экспертные учреждения, таких формулировок в выводах, как правило, не допускают и на вопросы, имеющие правовой характер, ответов не дают.
- ⁸ Дискуссия по вопросу сходства и различия деятельности эксперта и специалиста по возбужденному уголовному делу идет давно. К сожалению, даже Пленум Верховного Суда РФ не смог поставить в этой дискуссии точку. Подробнее см.: Комиссарова Я.В. Проблемные аспекты постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Российский судья. 2011. № 3. С. 28–30.
- ⁹ Кудрявцева А.В. Рецензия на монографию В.М. Быкова, Л.В. Березиной «Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела по УПК РФ» // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. № 28. 2007. С. 113–118.
- ¹⁰ Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Российская газета от 05.06.2001 № 106 (с последующими изменениями и дополнениями).

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИГРАФИЧЕСКАЯ ГРУППА

(4842) 70-03-37

буклеты • визитки • листовки • постеры
календари • журналы • книги • брошюры

Характеристика повреждений дробью № 00 при стрельбе современными охотничьими патронами 12 калибра с дистанций от 5 до 50 м*

Погребной Алексей Анатольевич,
доцент кафедры трасологии и баллистики
Волгоградской академии МВД РФ,
кандидат юридических наук, полковник полиции
asd_2010@mail.ru

В статье приведены экспериментальные данные о размерах дробовых осыпей при стрельбе с дистанций от 5 до 50 м дробью № 00 патронами современных конструкций (с пыжами и пыжами-контейнерами). Предложены графики для определения вероятного интервала дистанции выстрела, указаны предельные дистанции относительно компактного действия дроби. Дана предварительная оценка влияния пыжа-контейнера на рассеивание дроби.

Ключевые слова: дистанция выстрела, рассеивание дроби, охотничье оружие.

The paper presents experimental data on damages by the shot with pellets №00 with distances of 5 to 50 m (cartridges with wad and wad-container). It proposes a timetable for determining the likely interval distance shot. Shown preliminary assessment of the impact of the wad-container to dissipation pellets.

Key words: distance shots, dissipation of pellets, hunting weapons.

Введение

Преступления против жизни граждан нередко совершаются с применением гладкоствольных охотничьих ружей. В результате выстрелов из такого оружия образуются характерные повреждения, причиненные как группами дроби, так и отдельными дробинами — т.н. дробовые осыпи. Типичной задачей, которую необходимо решить относительно такого рода объектов в ходе расследования, является определение расстояния выстрела.

Существующие способы установления расстояния выстрела по рассеиванию дроби ориентированы на две типичные экспертные ситуации. Первая ситуация — когда в распоряжении эксперта имеется дробовая осыпь и экземпляр оружия, из которого она была образована. Во второй ситуации у эксперта имеется лишь дробовая осыпь или сведения о ее размерах и неизвестны характеристики оружия и патрона.

В первой ситуации проводится экспериментальная стрельба из представленного оружия с последующим сравнением полученных образцов и исследуемой осыпи.

Во второй ситуации дистанция выстрела определяется ориентировочно по справочным данным о размерах осыпей дроби на различных дистанциях, полученных в результате экспериментальных выстрелов с разными условиями: калибром и сверловкой ружья, диаметром дроби, особенностями снаряжения патрона и пр. Сведения представляют собой текстовые описания, таблицы, либо для удобства использования преобразованы в графики, номограммы и т.п.

К настоящему времени накоплен достаточно большой эмпирический материал в данной области. Так, в работе А.И. Толстопята описаны величины убойного круга дроби при стрельбе из ружей 12 и 16 калибра с цилиндрической и чоковой сверловкой с дистанций от 10 до 60 м [14]. С.Д. Кустанович приводит средние данные по рассеиванию дроби при стрельбе с дистанций до 50 м из ружей 12 и 16 калибра со сверловкой чок и цилиндр [7, с. 314]. М.С. Артамонов приводит график, табличные данные и описания осыпей дроби для дистанций до 40 м, составленные по результатам выстрелов из ружья 16 калибра со сверловкой полчок дробью № 1 [2]. Б.Н. Ермоленко

предложил график и описания осыпей для дистанций до 50 м, основанные на результатах экспериментов с ружьями 16 калибра со сверловкой чок и полчок дробью № 3 [5].

Сведения о зависимости размера осыпи от дистанции выстрела содержатся также в работах М.И. Авдеева [1], А.Г. Егорова [4], Ю.М. Кубицкого [6], В.Н. Ладина [8], С.А. Манкевича и Т.А. Молдавера [11], Г.А. Мхитарова [12] и др. Некоторые проблемные вопросы определения дистанции выстрела рассматриваются в других работах [9; 15].

Постановка задачи

Характеристики дробовых осыпей, приводимые в специальной литературе, к сожалению, не всегда согласуются друг с другом. Причиной этого является то, что не всеми авторами учитывались условия снаряжения патронов (например, диаметр дроби), а также разный подход при измерении осыпей (в расчет не принимали от 3 до 20% периферийных дробинок).

Кроме того, имеющаяся литература по теме исследования датируется 60–80 годами XX века и основана на экспериментах с патронами, снаряжаемыми войлочными пыжами и картонными прокладками. Между тем, в современных патронах для повышения кучности боя и предотвращения наслоения свинца широко применяются изготавливаемые из полимеров пыжи-контейнеры, пыжи и трубки. Подобные различия в условиях снаряжения патронов могут оказывать существенное влияние на рассеивание дроби, однако в литературе этот вопрос практически не освещен.

Отсутствие сведений о значимых условиях экспериментальных выстрелов, единого стандарта в измерении размера осыпей, устаревание данных в связи с изменением конструкций патронов затрудняет применение существующих литературных источников в экспертных исследованиях. Учитывая это, весьма актуальным является изучение дробовых повреждений при стрельбе с различных дистанций современными охотничьими патронами.

Целью данной работы является получение сведений, необходимых для определения расстояния выстрела по осыпям, образованным дробью № 00 патронами, снаряженными как

* Characteristics of Damages by Shot No. 00 while Shooting with Modern Hunting Rounds of the 12th Caliber at the Distance of 5–50 m Pogrebnoy Alexey Anatolievich, Associate Professor, Chair of Traceology and Ballistics, Training and Scientific Complex of Expert-Criminalistic Activities, Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia, Candidate of Science (Law), Colonel of Police

пыжами, так и пыжами-контейнерами. Достижение этой цели предполагает решение следующих задач: а) получение экспериментальных дробовых осепей; б) изучение различных параметров дробовых повреждений; в) подготовка справочного материала и рекомендаций, которые могут быть использованы для определения дистанции выстрела.

Методы исследования

В процессе исследования применялись методы эксперимента, наблюдения, измерения, инструменты математической статистики.

Метод эксперимента заключался в проведении отстрела охотничьих патронов и получении образцов дробовых повреждений.

Выстрелы производились с дистанций 5, 10, 15, 20, 25, 30, 35, 40 и 50 м в листы ватмана, навешенные на деревянную раму. Листы ватмана имели размер 61х86 см. При стрельбе с дистанций 30 м листы ватмана склеивались скотчем по 2, с дистанций 50 м — по 4.

Стрельба производилась в летнее время в условиях полигона при температуре окружающей среды +24°C, атмосферном давлении 750 мм ртутного столба, при ясной, безветренной погоде.

Для стрельбы использовались охотничьи гладкоствольные ружья 12 калибра:

ИЖ-27 — двуствольное ружье с вертикальным расположением стволов (сверловка чок, длина ружья 1190 мм, длина стволов 700 мм);

ТОЗ-34 — двуствольное ружье с вертикальным расположением стволов (сверловка получок, длина ружья 1150 мм, длина стволов 711 мм);

ИЖ-81 — одноствольное ружье (сверловка чок, длина ружья 1200 мм, длина ствола 700 мм).

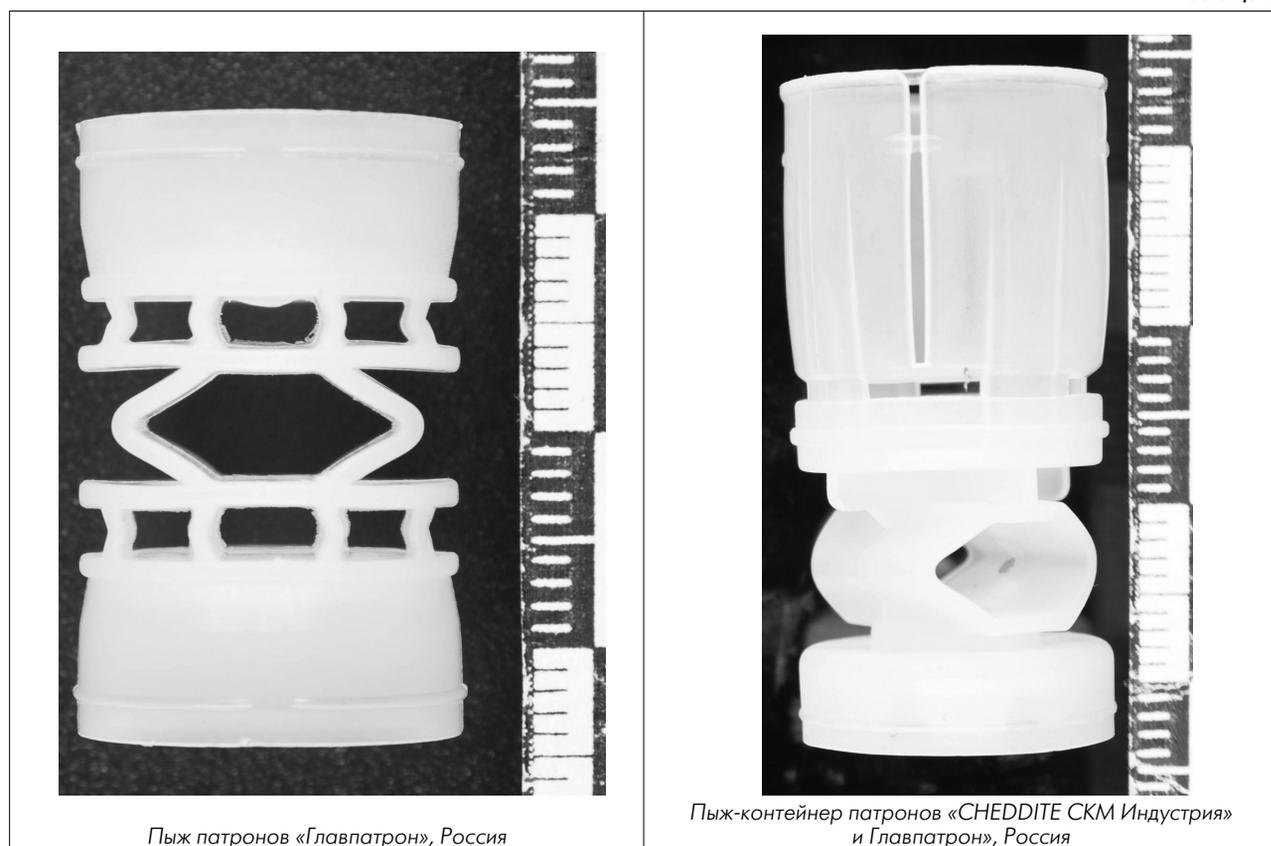
Стрельба велась патронами 12 калибра «Главпатрон» (Россия), «CHEDDITE СКМ Индустрия» (Россия), «FETTER» (Россия), снаряженными дробью № 00. Использовались патроны, снаряженные как полимерными пыжами, так и полимерными пыжами-контейнерами. Характеристики патронов сведены в табл. 1. Виды применявшихся в них пыжей и пыжей-контейнеров представлены в табл. 2.

План эксперимента был составлен таким образом, чтобы при стрельбе с каждой из дистанций варьировались все основные условия стрельбы — менялся экземпляр оружия и сверловка ствола, применялись патроны различных изготовителей, использовались различные типы патрона (пыж/пыж-контейнер). С каждой дистанции, таким образом, было произведено

Таблица 1

Калибр, № дробы	Название, тип, страна-производитель	Масса патрона, г	Масса дроби, г	Масса пороха, г	Число дробинок, шт.	Диаметр дроби ¹ , мм
12х70,00	«Главпатрон» (пыж-контейнер), Россия	42-43,4	30,4-32,1	1,6-1,8	59-62	4,4-4,6 4,5
12х70,00	«Главпатрон» (пыж), Россия	43,6	32-32,1	1,8	61	4,4-4,6 4,5
12х70,00	«CHEDDITE СКМ Индустрия» (пыж-контейнер), Россия	42-42,6	31,1-31,6	1,7-1,8	58-59	4,3-4,6 4,46

Таблица 2

Пыж патронов «Главпатрон», Россия

Пыж-контейнер патронов «CHEDDITE СКМ Индустрия» и Главпатрон», Россия

Таблица 3

Оружие, патрон		Дистанция, м								
		5	10	15	20	25	30	35	40	50
ИЖ-27, чок	Дробь №00, «Главпатрон» (пыж-контейнер)	№1	№4	№7	№10	№13	№16	№19	№22	№25
ТОЗ-34, получок	Дробь №00, «Главпатрон» (пыж)	№2	№5	№8	№11	№14	№17	№20	№23	№26
ИЖ-81, чок	Дробь №00, «CHEDDITE СКМ Индустрия» (пыж-контейнер)	№3	№6	№9	№12	№15	№18	№21	№24	№27

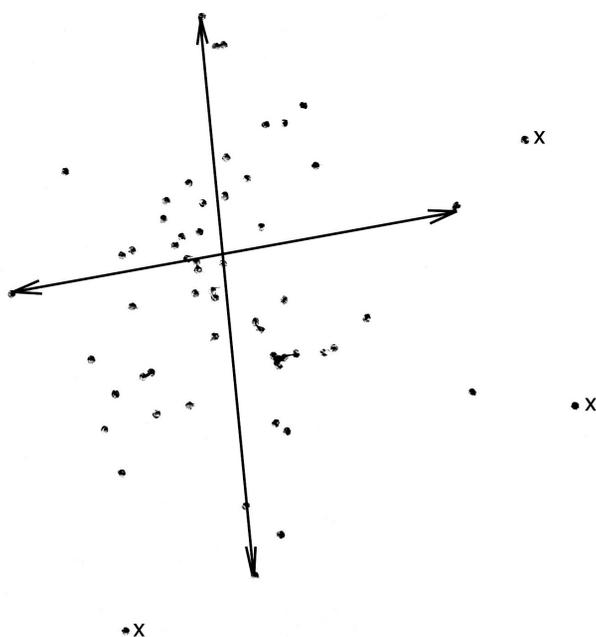

Рис. 1. Определение размеров осыпи:
x — повреждения, не принимаемые в расчет

по 3 выстрела, два из которых — патронами с пыжами-контейнерами (план эксперимента с нумерацией опытов представлен в табл. 3)².

У полученных экспериментальных осыпей с помощью рулетки с точностью до 1 см измерялся размер. При этом использовался способ Б.Н. Ермоленко [5], суть которого заключалась в том, что измерялся наименьший и наибольший размер осыпи без учета 3–4% наиболее удаленных повреждений. В патронах 12 калибра, применявшихся в экспериментах, содержалось 58–62 дробины №00. Таким образом, в осыпах в расчет не принимали до 3 повреждений. Размеры осыпи определялись по оставшимся повреждениям, как правило, по двум взаимно перпендикулярным линиям (рис. 1). Такой порядок измерения позволяет снизить влияние на размер рассеивания отклонения дробинок по случайным причинам.

Основные результаты

Исследование экспериментальных следов показало, что относительно компактное действие дроби №00, при котором на преграде наблюдаются повреждения, причиненные как группой (группами) дробинок, так и отдельными дробинами, сохраняется при стрельбе с дистанций до 10 м. Причем эта дистанция характерна как для патронов с пыжами, так и с пыжами-контейнерами.

Различные параметры дробовых повреждений на разных дистанциях сведены в табл. 4.

Обобщенные размеры осыпи дроби №00 для конкретных дистанций сведены в табл. 5. В числителе указаны минимальный и максимальный размеры осыпи, а в знаменателе — средний.

На рис. 2 представлен график минимального и максимального рассеивания дроби №00 на дистанциях до 50 м для патронов с пыжами-контейнерами. На рис. 3 представлен аналогичный график для патронов с пыжами.

Для того чтобы по размеру рассеивания определить примерный интервал дистанций выстрела, нужно из точки на оси ординат (вертикальной) провести горизонтальную линию до пересечения с графиками максимального и минимального рас-

Таблица 4

№ опыта	Дистанция выстрела, м	Тип патрона, № дроби, сверловка ружья	Размер осыпи, см	Наличие и размер зоны компактного действия дроби, см
1	5	Пыж-контейнер, №00, чок	$\frac{5 \times 7}{6}$	2x1
2	5	Пыж, №00, получок	$\frac{6 \times 8}{7}$	1x1,5
3	5	Пыж-контейнер, №00, чок	$\frac{5,5 \times 7,5}{6,5}$	1x2
4	10	Пыж-контейнер, №00, чок	$\frac{10 \times 12,5}{11}$	1,5x1,5
5	10	Пыж, №00, получок	$\frac{22 \times 27}{25}$	0,5x0,5
6	10	Пыж-контейнер, №00, чок	$\frac{18 \times 20}{19}$	0,5x0,5
7	15	Пыж-контейнер, №00, чок	$\frac{27 \times 36}{31}$	нет

№ опыта	Дистанция выстрела, м	Тип патрона, № дробы, сверловка ружья	Размер осыпи, см	Наличие и размер зоны компактного действия дробы, см
8	15	Пыж, №00, получок	$\frac{26 \times 30}{28}$	нет
9	15	Пыж-контейнер, №00, чок	$\frac{29 \times 31}{30}$	нет
10	20	Пыж-контейнер, №00, чок	$\frac{34 \times 38}{36}$	нет
11	20	Пыж, №00, получок	$\frac{31 \times 41}{36}$	нет
12	20	Пыж-контейнер, №00, чок	$\frac{30 \times 37}{34}$	нет
13	25	Пыж-контейнер, №00, чок	$\frac{50 \times 55}{52}$	нет
14	25	Пыж, №00, получок	$\frac{29 \times 40}{35}$	нет
15	25	Пыж-контейнер, №00, чок	$\frac{50 \times 55}{53}$	нет
16	30	Пыж-контейнер, №00, чок	$\frac{52 \times 65}{58}$	нет
17	30	Пыж, №00, получок	$\frac{54 \times 64}{59}$	нет
18	30	Пыж-контейнер, №00, чок	$\frac{60 \times 73}{65}$	нет
19	35	Пыж-контейнер, №00, чок	$\frac{60 \times 75}{70}$	нет
20	35	Пыж, №00, получок	$\frac{63 \times 80}{71}$	нет
21	35	Пыж-контейнер, №00, чок	$\frac{70 \times 74}{72}$	нет
22	40	Пыж-контейнер, №00, чок	$\frac{69 \times 97}{84}$	нет
23	40	Пыж, №00, получок	$\frac{70 \times 100}{85}$	нет
24	40	Пыж-контейнер, №00, чок	$\frac{64 \times 75}{70}$	нет
25	50	Пыж-контейнер, №00, чок	$\frac{110 \times 125}{117}$	нет
26	50	Пыж, №00, получок	$\frac{110 \times 130}{120}$	нет
27	50	Пыж-контейнер, №00, чок	$\frac{90 \times 100}{95}$	нет

Таблица 5

Дистанция выстрела, м	Размеры осыпи, см	
	Пыж-контейнер	Пыж
5	$\frac{5-7,5}{6,25}$	$\frac{6-8}{7}$
10	$\frac{10-20}{15}$	$\frac{22-27}{25}$
15	$\frac{27-36}{31,5}$	$\frac{26-30}{28}$
20	$\frac{30-38}{34}$	$\frac{31-41}{36}$
25	$\frac{50-55}{52,5}$	$\frac{29-40}{35}$
30	$\frac{52-73}{61,5}$	$\frac{54-64}{59}$
35	$\frac{60-75}{67,5}$	$\frac{63-80}{71,5}$
40	$\frac{64-97}{80,5}$	$\frac{70-100}{85}$
50	$\frac{90-125}{107,5}$	$\frac{110-130}{120}$

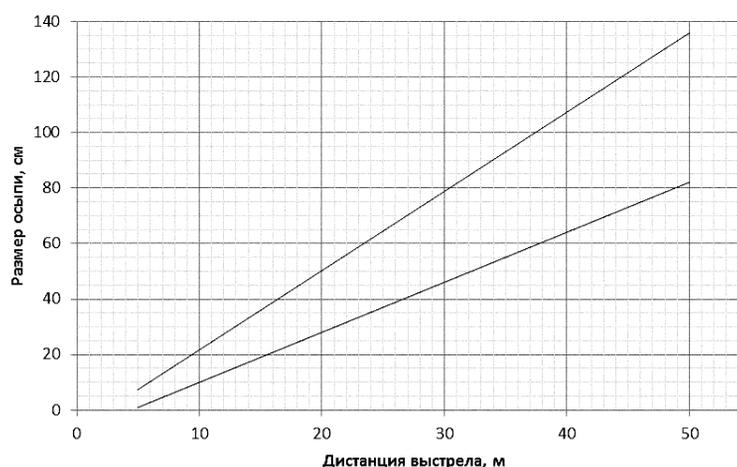

Рис. 2. Зависимость размеров осыпи от дистанции при стрельбе патронами с пыжами-контейнерами (дробь №00)

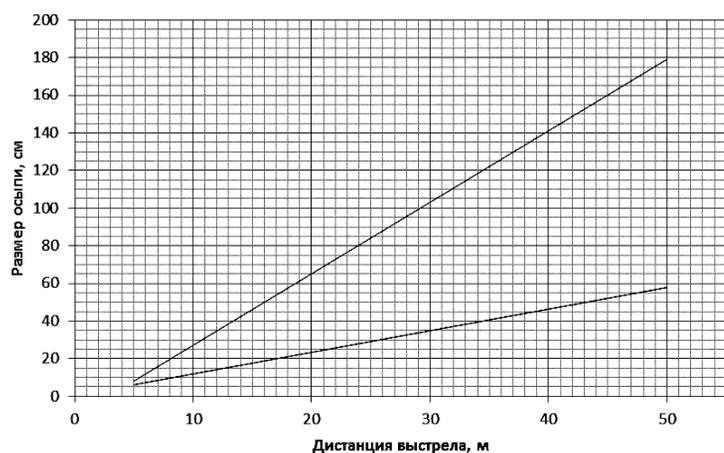

Рис. 3. Зависимость размеров осыпи от дистанции при стрельбе патронами с пыжами (дробь №00)

Таблица 6

Дистанция выстрела, м	Средний размер рассеивания, см		Отношение размера рассеивания при использовании пыжа к размеру рассеивания при стрельбе пыжом-контейнером, в %
	Пыж-контейнер	Пыж	
5	6,25	7	+12
10	15	25	+66
15	31,5	28	-11,1
20	34	36	+5,8
25	52,5	35	-33,3
30	61,5	59	-4
35	67,5	71,5	+5,9
40	80,5	85	+5,5
50	107,5	120	+11,6

сеивания и из этих точек провести вертикальные линии к оси абсцисс (горизонтальной). Значения точек пересечения с осью абсцисс будут представлять собой интервал наиболее вероятных дистанций выстрела.

Сравнение средних размеров рассеиваний при стрельбе патронами с пыжами и пыжами-контейнерами показывает, что применение пыжей-контейнеров, в большинстве случаев уменьшает рассеивание. Если рассеивание с пыжом-контейнером принять за 100%, то рассеивание с пыжом больше в среднем на 6,5% (табл. 6). В абсолютных величинах превышение в среднем составляет 1,13 см. Следует отметить, что для дроби другого диаметра различие в рассеивании может быть иным.

Заключение

На основе экспериментальных данных в работе предложен ряд справочных материалов для определения дистанции выстрела патронами, снаряженными полимерными пыжами (а также пыжами-контейнерами) и дробью № 00. К ним относятся сведения о предельной дистанции относительно компактного действия дроби, таблицы с размерами дробовых осепей на разных дистанциях и построенные на их основе графики минимального и максимального рассеивания. Кроме того, проведено сравнение средних размеров рассеиваний на разных дистанциях при стрельбе патронами различной конструкции (с пыжами и пыжами-контейнерами) и дана предварительная оценка влияния пыжа-контейнера на рассеивание.

Список литературы

1. Авдеев М.И. Курс судебной медицины / М.И. Авдеев. М., 1959. С. 223.
2. Артамонов М.С. Определение дистанции выстрела из охотничьих гладкоствольных ружей и обрезов из них по рассеиванию дробового снопа / М.С. Артамонов // Экспертная техника. М.: Изд-во ЦНИИСЭ, 1967. Вып. 22. С. 14–32.
3. Вдовин А.Н. Некоторые аспекты проведения экспертиз при расследовании незаконного оборота оружия / А.Н. Вдовин // Эксперт-криминалист. 2013. № 4. С. 5–7.
4. Егоров А.Г. Установление дистанции и направления выстрела из охотничьего ружья по рассеиванию дроби / А.Г. Егоров. Волгоград, 1982.

5. Ермоленко Б.Н. Определение расстояния выстрела из дробового оружия и кинетической энергии снаряда / Б.Н. Ермоленко. Киев: РИО МВД УССР, 1974.

6. Кубицкий Ю.М. Судебная баллистика / Ю.М. Кубицкий. М., 1956.

7. Кустанович С.Д. Судебная баллистика / С.Д. Кустанович. М., 1956.

8. Ладин В.Н. Возможности определения вида оружия и дистанции выстрела по дробовой осыпи на преграде / В.Н. Ладин // Экспертная практика и новые методы исследования. Экспресс-информация. М., 1973. Вып. 3. С. 3–19.

9. Латышов И.В. Оружие, патроны и следы их действия как объекты диагностических судебно-баллистических экспертных исследований (теоретические и прикладные аспекты): монография / И.В. Латышов. М.: Юрлитинформ, 2015.

10. Макаренко В.Г. О баллистической экспертизе огнестрельного оружия, ввозимого контрабандным путем на территорию таможенного союза / В.Г. Макаренко // Эксперт-криминалист. 2014. № 3. С. 30–32.

11. Манкевич С.А. Определение дистанции выстрела по осыпи дроби / С.А. Манкевич, Т.А. Молдавер // Экспертная практика и новые методы исследования. Экспресс-информация. М., 1976. Вып. 13. С. 3–10.

12. Мхитаров Г.А. О пределах точности установления дистанции выстрела по рассеиванию дроби / Г.А. Мхитаров // Сборник научных работ. Вильнюс: Гос. изд-во полит. и науч. лит., 1963. Вып. 1. С. 223–230.

13. Ручкин В.А. О тенденциях развития криминалистической экспертизы оружия и следов его применения / В.А. Ручкин // Эксперт-криминалист. 2008. № 2. С. 24–26.

14. Толстопят А.И. Охотничьи ружья и боеприпасы к ним / А.И. Толстопят. М., 1954.

15. Федоренко В.А. Актуальные проблемы судебной баллистики / В.А. Федоренко. М.: Юрлитинформ, 2011.

¹ В графе «Диаметр дроби» в числителе указан минимальный и максимальный, а в знаменателе — средний диаметр дроби.

² Номера опытов в табл. 3 соответствуют номерам опытов в табл. 4.

Роль судебной экспертизы в тактической комбинации «Проверка показаний подозреваемого (обвиняемого), признающего в совершении преступления против личности»*

Саньков Валерий Иванович,
старший преподаватель кафедры криминалистики
Академии Следственного комитета РФ,
кандидат юридических наук
sankov_icr@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы, связанные с назначением и производством судебных экспертиз при осуществлении тактической комбинации «Проверка показаний подозреваемого (обвиняемого), признающего в совершении преступления против личности», имеющиеся проблемы в следственной практике, предлагаются возможные пути их решения.

Ключевые слова: судебные экспертизы, тактическая комбинация, проверка показаний, следователь.

The article considers the questions connected with the appointment and production of judicial examinations in the implementation of tactical combinations «check the reading of the suspect (accused), which are recognized in Commission of crime against the person», the existing problems in the investigative practice, and suggests possible solutions.

Key words: forensic, tactical combination, check the reading, the investigator.

Планирование и осуществление тактических комбинаций (операций, комплексов) имеет большое значение в процессе расследования преступлений. Согласно определению О.Я. Баева, «тактическая операция есть система следственных действий, оперативно-розыскных и иных мероприятий и реализуемых при их производстве тактических приемов, направленная на достижение определенной локальной задачи исследования преступлений, разрешение которой с учетом вида преступления и ситуации другим образом невозможно или нерационально»¹.

Изучение и обобщение следственной практики по уголовным делам об умышленных убийствах и иных особо тяжких преступлениях против личности позволяет выделить наиболее распространенные, типичные следственные действия, используемые для проверки и оценки «признательных» показаний подозреваемого (обвиняемого): проверка показаний на месте; следственный эксперимент; обыски и выемки; изъятие образцов для сравнительного исследования; назначение судебных экспертиз; допросы свидетелей, производство очных ставок и т.д.

Важную роль играет назначение экспертиз. При выборе экспертов, подготовке соответствующих материалов необходимо придерживаться разработанных тактических рекомендаций, поскольку «существующие алгоритмы назначения и производства судебной экспертизы позволяют следователю (особенно не имеющему достаточного опыта работы) эффективно использовать при расследовании преступлений специальные знания судебных экспертов»².

По уголовным делам о преступлениях против личности, связанных с причинением вреда здоровью человека, одним из основных доказательств виновности подозреваемого (обвиняемого) является заключение эксперта по итогам судебно-медицинской экспертизы в отношении потерпевшего. Проверка экспертным путем результатов воспроизведения подозреваемым (обвиняемым) обстановки на месте события и демонстрации им своих действий является важным средством подтверждения «признательных» показаний либо разоблачения лжи в показаниях.

При обнаружении и изъятии предполагаемого орудия преступления перед судебно-медицинским экспертом ставятся вопросы о возможности причинения именно этим орудием телесных повреждений, обнаруженных у потерпевшего, а также вопросы ситуационного характера — о возможности причинения повреждений при обстоятельствах, указанных подозреваемым (обвиняемым).

В случае обнаружения орудия преступления эксперту предоставляется его аналог — предмет, наиболее точно соответствующий описанию, данному при допросе подозреваемым (обвиняемым). В юридической литературе описываются примеры успешного использования аналогов орудий преступления при раскрытии убийств³.

Еще одним важным следственным действием по уголовным делам о преступлениях против личности является незамедлительное производство судебно-медицинской экспертизы подозреваемого в случае его задержания. Это позволяет проверить его показания о взаимном причинении телесных повреждений им и потерпевшим, о состоянии необходимой обороны, выявить телесные повреждения, полученные при задержании вследствие оказания сопротивления сотрудникам правоохранительных органов, а также проверить версию стороны защиты о применении незаконных методов расследования. В ряде случаев целесообразно проведение судебно-медицинской экспертизы подозреваемого после дачи им «признательных» показаний с целью предупреждения возможных в последующем заявлений о том, что признание явилось результатом применения физического насилия.

Проведение комплекса различных криминалистических экспертиз — по микроволокнам одежды, следам металлизации и др., как правило, не связано с решением идентификационных задач. Но при наличии достаточно большого количества таких микрообъектов, их взаимного перехода с предметов одежды подозреваемого на одежду потерпевшего, и наоборот, криминалистическое исследование веществ, материалов, изделий может с успехом использоваться в процессе оценки «признательных» показаний.

* Role of the Forensic Expertise in the Tactical Combination "Verification of Evidence of the Suspect (Accused Person) who Acknowledges Committing Crime against a Personality"

San'kov Valery I., Senior lecturer of criminology Academy of the Investigative Committee Russian Federation, PhD

В современной следственной практике востребованы судебные психофизиологические экспертизы с применением полиграфа (СПФЭ). Вопрос о сущности и методике проведения подобных экспертиз остается дискуссионным⁴. Тем не менее, СПФЭ достаточно часто назначаются следователями в процессе доказывания по уголовным делам.

На разрешение экспертов-полиграфологов целесообразно ставить вопросы: выявляются ли в ходе психофизиологического исследования с применением полиграфа реакции, свидетельствующие о том, что проверяемое лицо располагает информацией о деталях случившегося? Вследствие отражения каких обстоятельств могла быть получена обследуемым лицом эта информация? Могла ли она быть получена в момент события?

При назначении и проведении СПФЭ необходимо избегать некорректной формулировки вопросов, выносимых на разрешение эксперта, отвечаая на которые, он может выйти за рамки своей компетенции, делая вывод о достоверности или ложности показаний кого-либо из участников процесса⁵.

В структуре рассматриваемой тактической комбинации определенное место занимает судебно-психологическая экспертиза. Из типовых вопросов, рекомендованных научно-методической литературой, разрешаемых экспертом-психологом, в данном случае целесообразно поставить вопрос о том, имеются ли у обвиняемого индивидуально-психологические особенности (интеллектуальные, характерологические, эмоционально-волевые, мотивационные и др.), которые могли существенно повлиять на его поведение в исследуемой ситуации⁶.

Специальные познания психологов активно используются следователями и для решения иных вопросов, в том числе направленных на проверку и оценку «признательных» показаний.

Так, еще в конце 1990-х — начале 2000-х годов Н.Н. Китаевым и другими авторами приводились примеры назначения нетрадиционных психологических исследований по аудио- и видеозаписям следственных действий с участием подозреваемых, обвиняемых, признающих вину в совершении убийств, психодиагностике почерка лиц, признающих вину и собственноручно изложивших свои показания⁷.

В современной следственной практике все чаще назначается судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий). Относительно правомерности производства и научной обоснованности данного вида экспертизы высказаны различные точки зрения.

Так, по мнению Е.Н. Холоповой, экспертная оценка достоверности показаний в настоящее время возможна, при этом имеется в виду не правовая их оценка, которая выходит за рамки компетенции эксперта, а выявление психологических признаков достоверности показаний⁸.

Другие авторы полагают, что «психолого-вокалографические, психолого-лингвистические и психолого-акмеологические экспертизы видеозаписей следственных действий не имеют общепризнанной научной и методологической основы и их результаты в любом случае не отвечают критерию достоверности экспертных исследований»⁹. Критическая оценка подобных экспертных исследованиям дана и в книге «Судебная экспертиза: типичные ошибки» под редакцией Е.Р. Россинской¹⁰.

Думается, с учетом востребованности указанного вида исследований целесообразно продолжить их апробацию, анализ получаемых результатов специалистами в области психологии и смежных наук, разработку соответствующих рекомендаций по научно и методически корректному проведению. Имеет смысл провести обобщение практики судебного рассмотрения уголовных дел, по которым в качестве доказательств использовались подобные заключения экспертов.

На наш взгляд, назначение и проведение психологических экспертиз по видеозаписям следственных действий, равно как и других исследований, связанных с оценкой поведения лица во время допроса, проверки его показаний на месте, иных следственных действий возможно при соблюдении следующих условий:

— вопросы должны формулироваться таким образом, чтобы, отвечая на них, эксперт не выходил за рамки своей

компетенции, например, указывая на достоверность или недостоверность чьих-либо показаний (их отдельных фрагментов);

— производство экспертизы следует поручать компетентным лицам, обладающим соответствующими знаниями в области психологии, лингвистики и других наук;

— наряду с изучением видеозаписи следственного действия, эксперт должен использовать традиционные методы психологического исследования, что необходимо отражать в заключении;

— заключения по таким экспертизам не могут быть определяющими в цепи доказательств, они носят вспомогательный, ориентирующий характер, могут быть использованы в процессе доказывания только в совокупности с теми доказательствами (показания участников процесса), на проверку которых направлены.

Одним из принципиальных положений, лежащих в основе тактической комбинации по проверке и оценке признания, является непротиворечие «признательных» показаний объективно установленным фактам. К примеру, сомнения в достоверности признания должны вызывать существенные противоречия между показаниями обвиняемого о способе причинения телесных повреждений потерпевшему и заключением судебно-медицинского эксперта.

Вместе с тем, обнаружив при сопоставлении «признательных» показаний и других доказательств их несоответствие, не следует торопиться с негативной оценкой первых. Необходимо так же тщательно проверить достоверность выводов эксперта. Во многом качество проведения экспертизы и достоверность сделанных экспертом выводов зависят от качества ее подготовки на этапе назначения. Следователю необходимо соблюдать определенный алгоритм (комплекс) действий в процессе подготовки и назначения экспертиз¹¹.

Заключения экспертов играют важную роль в оценке заявлений стороны защиты о том, что «признательные» показания были даны в результате оказанного на подозреваемого (обвиняемого) физического и психологического воздействия. При этом особое внимание обращается на осведомленность подсудимого о деталях преступления, о которых он не мог узнать до проведения соответствующих экспертных исследований.

Так, кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Воронежского областного суда от 6 февраля 2007 г. по делу № 22-1587/32 было отказано в удовлетворении кассационной жалобы гр-на К., осужденного по ч. 1 ст. 105, ч. 1 ст. 158 УК РФ за убийство гр-ки И. в отсутствие очевидцев, с последующим сокрытием ее трупа, который утверждал, что его признательные показания на первоначальном этапе предварительного следствия были получены в результате оказанного на него физического и психологического воздействия со стороны сотрудников милиции. Суд отметил, что К., допрошенный в качестве подозреваемого еще до начала производства судебно-медицинской экспертизы трупа, в присутствии защитника дал подробные показания об обстоятельствах совершенных им преступлений, сообщив детали, которые не могли быть известны лицу, не причастному к данному преступлению, в частности, о способе убийства (путем удушения), назвал предмет и его характеристики, которым совершено удушение. Эти показания были подтверждены в результате проведения судебно-медицинской экспертизы¹².

Анализ уголовных дел об убийствах и иных особо тяжких преступлениях против личности, по которым лица, признававшие себя виновными, затем были оправданы судом, либо уголовное преследование в отношении них прекращено на стадии следствия по реабилитирующим основаниям, показывает, что одной из основных причин ошибочной оценки «признательных» показаний как достоверных, явились тактические упущения следователей, связанные с назначением судебных экспертиз и оценкой заключений экспертов.

Так, гр-н З. обвинялся в изнасиловании гр-ки М. и причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшем ее смерть, то есть в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 111, п. «в» ч. 2 ст. 131 УК РФ. В основу обвинения З. были положены его первоначальные показания на предварительном следствии, в которых он признавал свою вину, пояснив, что нанес удары потерпевшей булыжником в затылочную часть головы. Свои действия он продемонстрировал на месте с использованием

манекена. Одним из доказательств обвинения послужило заключение судебно-медицинского эксперта, согласно выводам которого, на блузке-тунике потерпевшей обнаружена сперма, происхождение которой от З. не исключается. При этом следователем не была использована возможность назначения молекулярно-генетического экспертного исследования указанных следов, а также перед судебно-медицинским экспертом не поставлен вопрос о соответствии изложенного З. механизма причинения телесных повреждений М. заключению эксперта.

Выводы назначенной в судебном заседании молекулярно-генетической экспертизы блузки потерпевшей исключили происхождение обнаруженной на ней спермы от З. Допрошенный в судебном заседании эксперт пояснил, что с учетом результатов судебно-медицинской экспертизы и предъявленных ему фотографий, приложенных к протоколу проверки показаний на месте, обнаруженная на трупе М. травма не могла быть причинена в результате продемонстрированного З. удара булыжником в затылочную область головы потерпевшей. В результате З. был оправдан в связи с непричастностью его к указанным преступлениям¹³.

Таким образом, можно выделить следующие принципиальные положения, которые следователь должен учитывать при назначении экспертиз:

— экспертные исследования должны назначаться своевременно, на возможно более ранних стадиях предварительного расследования;

— желательно назначать экспертизы, которые могут решить идентификационные задачи, не ограничиваясь вероятными выводами (например, генотипоскопические по биологическим следам человека);

— при назначении судебно-медицинской экспертизы следует обязательно ставить вопрос о соответствии локализации телесных повреждений на теле потерпевшего, механизма их причинения показаниям подозреваемого (обвиняемого), данным при допросе и проверке показаний на месте;

— целесообразно участие судебно-медицинского эксперта в проверке показаний на месте, в ходе которой подозреваемый (обвиняемый) демонстрирует причинение телесных повреждений потерпевшему;

— при возникновении противоречий между заключением эксперта и показаниями подозреваемого (обвиняемого) следует выявить их причины, при необходимости назначить дополнительную или повторную экспертизу для их устранения;

— заключения экспертов подлежат оценке в совокупности с другими доказательствами, в соответствии с требованиями ч. 1 ст. 88 УПК РФ.

Соблюдение перечисленных тактических рекомендаций позволит существенно повысить эффективность использования специальных познаний в тактической комбинации по проверке «признавательных» показаний и снизить вероятность ошибок в оценке их достоверности.

Список литературы

1. Баев О.Я. Основы криминалистики. Курс лекций / О.Я. Баев. М.: Экзамен, 2001.
2. Елагина Е.В. Качество подготовки судебной экспертизы — условие обеспечения качества ее производства / Е.В. Елагина, А.Г. Харатишвили // Российский следователь. 2015. № 20. С. 31–35.
3. Китаев Н.Н. Экспертные психологические исследования в уголовном процессе: проблемы, практика, перспективы / Н.Н. Китаев, В.Н. Китаева. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2002.
4. Комиссарова Я.В. О типовой методике производства судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа / Я.В. Комиссарова // Юридическая психология. 2015. № 3. С. 7–11.
5. Россинская Е.Р. Настольная книга судьи: судебная экспертиза / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина. М.: Проспект, 2010.

6. Судебная экспертиза: типичные ошибки / под ред. Е.Р. Россинской. М.: Проспект, 2012.

7. Сычев Ю.В. Использование аналога орудия преступления в системе доказательств помогло раскрыть убийство // Следственная практика. Вып. № 1 (155). М., 2002. С. 38–47.

8. Хмелева А.В. Тактические особенности назначения судебных экспертиз / А.В. Хмелева // Эксперт-криминалист. 2014. № 4. С. 12–15.

9. Хмелева А.В. Отдельные вопросы назначения судебных экспертиз и оценки заключения экспертов / А.В. Хмелева // Эксперт-криминалист. 2015. № 2. С. 23–25.

10. Холопова Е.Н. Судебно-психологическая экспертиза / Е.Н. Холопова. М.: Юрлитинформ, 2010.

¹ Баев О.Я. Основы криминалистики. Курс лекций. М.: Экзамен, 2001. С. 219.

² Хмелева А.В. Тактические особенности назначения судебных экспертиз // Эксперт-криминалист. 2014. № 4. С. 12–15; Хмелева А.В. Отдельные вопросы назначения судебных экспертиз и оценки заключения экспертов // Эксперт-криминалист. 2015. № 2. С. 23–25.

³ Сычев Ю.В. Использование аналога орудия преступления в системе доказательств помогло раскрыть убийство // Следственная практика. Вып. № 1 (155). М., 2002. С. 38–47.

⁴ Комиссарова Я.В. О типовой методике производства судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа // Юридическая психология. 2015. № 3. С. 7–11; Холодный Ю.И. Методическое обеспечение судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа // Юридическая психология. 2015. № 4. С. 33–38.

⁵ См., например: Судебная экспертиза: типичные ошибки / под ред. Е.Р. Россинской. М., 2012. С. 222–223; Комиссарова Я.В. Задачи, объект и предмет судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 3 (4). С. 251–275.

⁶ См., например: Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. М., 2010. С. 361–377.

⁷ Китаев Н.Н., Китаева В.Н. Экспертные психологические исследования в уголовном процессе: проблемы, практика, перспективы. Иркутск, 2002; Китаев Н., Пархоменко В., Тельцов А. Психодиагностика почерка подозреваемых // Законность. М., 1997. № 8. С. 25–28.

⁸ Подробнее об этом см.: Холопова Е.Н. Судебно-психологическая экспертиза. М., 2010. С. 217; Холопова Е.Н., Кравцова Г.К. Особенности назначения и производства комиссионной экспертизы психологической достоверности показаний (по видеоматериалам оперативных и следственных действий) // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы 4-й Международной научно-практической конференции 30–31 января 2013 г., Москва. М., 2013. С. 316–320.

⁹ Лисецкий К.С., Шапошников А.Ю., Шапошникова И.А. Экспертные исследования видеозаписей следственных действий с целью оценки достоверности показаний участников: научные основы и достоверность результатов // Материалы V Международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях» (г. Москва, 22–23 января 2015 г.). М., 2015. С. 290.

¹⁰ Судебная экспертиза: типичные ошибки ... С. 211–222.

¹¹ Елагина Е.В., Харатишвили А.Г. Качество подготовки судебной экспертизы — условие обеспечения качества ее производства // Российский следователь. 2015. № 20. С. 31–35.

¹² Кассационное определение Воронежского областного суда от 06.02.2007 по делу № 22-1587/32.

¹³ Приговор Железнодорожного районного суда г. Воронежа от 23.04.2009 по делу № 1-3/2009.

Еще раз к вопросу о современных исследованиях подписи*

Сысоева Людмила Алексеевна,
преподаватель ИПК НП «Палата судебных экспертов»,
кандидат юридических наук
sisluda88@mail.ru

Цыпкин Денис Олегович,
заведующий кафедрой Истории западноевропейской и русской культуры
Санкт-Петербургского государственного университета
кандидат исторических наук, доцент
d.tsypkin@spbu.ru

Статья посвящена анализу публикаций П.М. Кошманова, М.П. Кошманова, Н.А. Вилковой и А.А. Шнайдера о проблемах изучения подписи. В работе рассмотрены некоторые теоретические и методологические положения этих статей, требующие критической оценки и могущие иметь негативные последствия для экспертной практики и подготовки специалистов-почерковедов.

Ключевые слова: судебное почерковедение, почерк, подписной почерк, современная подпись, история подписи.

The authors analyze publications by P.M. Koshmanov, M.P. Koshmanov, N.A. Vilkova and A.A. Schneider on the signature. Some theoretical and methodological ideas of these publications are criticized for their inconsistency and possible negative consequences for the expertise and training of experts in handwriting.

Keywords: handwriting expertise, handwriting, modern signature, history of signature.

Авторы настоящей публикации длительное время занимаются теоретическими и практическими вопросами изучения русской подписи. Так, Л.А. Сысоева более сорока лет посвятила работе с русскими подписями в качестве эксперта-криминалиста, из них более двадцати лет совмещала практическую работу с научной и научно-методической. Результаты этих исследований нашли отражение в многочисленных публикациях автора, в том числе и в статье «Особенности исследования "русской подписи"», опубликованной в 2011 г. на страницах журнала «Эксперт-криминалист», в которой, помимо прочего, была представлена разработанная автором система классификации подписей¹.

Проблеме исследования современной подписи — понятие, введенное в научный оборот Л.А. Сысоевой — была посвящена специальная глава ее диссертационного исследования «Теория и практика судебно-почерковедческой экспертизы на рубеже XXI века» (2003 г.). Что касается методических результатов исследований, то они нашли отражение в опубликованном в 2007 г. ЭКЦ МВД России учебном пособии «Судебно-экспертное исследование современной подписи»².

Сферой интересов Д.О. Цыпкина является историческое почерковедение и история русского письма, включая историю русской подписи. Первые результаты исследований в области истории подписи были представлены в опубликованной в 1999 г. в Вестнике Санкт-Петербургского Университета МВД России статье «К вопросу об истории русской подписи», подготовленной авторами этих строк совместно с В.С. Бурдановой³. Эта публикация, хотя и является сегодня во многом устаревшей, не потеряла своего историографического значения как наиболее ранняя отечественная публикация такого рода. На данный момент Д.О. Цыпкин возглавляет исследовательскую группу, формирующую электронный ресурс материалов по истории

русской подписи⁴ (проект Российской национальной библиотеки совместно с Институтом истории СПбГУ).

Из сказанного понятно, что появление таких работ как статья П.М. Кошманова, М.П. Кошманова и Н.А. Вилковой «Дифференциация современных подписей по степени оригинальности их конструктивного строения»⁵ и статья тех же авторов, подготовленная совместно с А.А. Шнайдером «Оригинальность конструктивного строения современных подписей: понятие и составляющие структурные элементы»⁶ не могли не вызвать самого живого нашего интереса. К сожалению, ознакомление с текстами названных публикаций привело к тому, что заинтересованность сменилась глубоким разочарованием.

Недоумение вызывает даже не полное отсутствие сведений по историографии вопроса (соавторы ссылаются исключительно на собственные публикации, начиная с 2009 г.) и весьма странные заявления о создании ими какой-то «новой» классификации современных подписей, а многочисленные проявления непрофессионализма в самом подходе к проблеме изучения подписей.

На наш взгляд, П.М. Кошмановым, М.П. Кошмановым, Н.А. Вилковой, А.А. Шнайдером оказалась извращена сама суть такого явления как подпись, которое можно было бы определить как заключительный аккорд в процессе последовательного формирования индивидуальных письменно-двигательных навыков человека. Чего стоит одно только утверждение о том, что якобы «для молодых людей, как правило, приобретают актуальность две проблемы. Первая — какую конструкцию должна иметь подпись? Вторая — что нужно сделать, чтобы она значительно отличалась от других подписей, т.е. стала для него (нее) индивидуальным удостоверительным знаком, специально предназначенным для выполнения в документах?». И далее: «решение обозначенных проблем значительно упрощается,

* Once More Revisiting the Modern Signature Researches

Sysoeva Ludmila A., Lecturer of the Institute of Advanced Training of the Non-Commercial Partnership "Chamber of Forensic Experts", Candidate of Legal Sciences

Tsyppin Denis O., Head of the Department of History of West European and Russian Culture of the Saint Petersburg State University, Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor

если по достижении указанного выше [14 лет — Л.С., Д.Ц.] возраста гражданин своевременно «побеспокоился» о создании надлежащего варианта конструкции своей личной подписи». Правда, здесь же авторы честно информируют читателей о том, что даже по их собственным подсчетам тех, кто при формировании подписи «своевременно «побеспокоились» о создании надлежащего варианта» ее конструкции оказалось всего-то 1,5%⁷.

Возникает вопрос: что применительно к конструкции подписи является ее «надлежащим вариантом» и действительно ли он кого-то «беспокоит» если, по мнению тех же самых авторов, 29% наших современников «имеют до такой степени упрощенную конструкцию своих подписей, что по ним вообще нельзя осуществить экспертное идентификационное исследование»⁸. Здесь необходимо подчеркнуть, что перед нами не случайные тексты, а проявления некой весьма специфической «гипотезы» о природе формирования подписи. Это подтверждает поистине «революционное» (по крайней мере, с точки зрения социологии письма) утверждение авторов о том, что, оказывается, 40% опрошенных ими лиц относятся к группе граждан, которая «понимает, что их личная подпись должна представлять собой не любое, в том числе самое простое графическое начертание, а иметь оригинальную конструкцию, выделяющуюся на фоне множества подписей других людей»⁹. Интересно, кто взял на себя труд проинформировать эту «группу граждан» о том, что такое «оригинальная конструкция» подписи и каким образом она может отличаться от «множества»? Но самое главное — как им удавалось получить представление о «множестве» подписей, если до осуществленной в конце 1990-х гг. публикации результатов качественно-количественного исследования 10000 русских подписей¹⁰, даже эксперты-почерковеды имели лишь весьма приблизительное представление о том, как может выглядеть такое «множество» (основывались исключительно на специфическом личном профессиональном опыте)?

Из сомнительных посылок вытекает не менее сомнительное и даже, как нам представляется, опасное следствие. Так, по мнению соавторов обсуждаемых статей, «вывод однозначен и очевиден: изменение конструктивного строения в большинстве подписей в сторону его усложнения, придание подписям оригинальности, несомненно, способствовало бы: во-первых, увеличению объема идентификационной информативности современных подписей; во-вторых, снижению влияния существующей негативной тенденции на упрощение их строения»¹¹. Здесь, прежде всего, возникает вопрос: какое именно «усложнение» и придание подписям «оригинальности» предполагают авторы? В представленных ими на иллюстрациях четырех группах (очевидно, лишенная «оригинальности» группа полной буквенной транскрипции просто исключена ими из рассмотрения) отсутствуют подписи, которые содержали бы какие-либо подпадающие пониманию составы, в том числе, просто читаемые реализации¹². Не удивительно, что описывая разнообразные способы и приемы придания «эффекта необычности, оригинального образа» подписи, среди наиболее типичных указываются: «использование дополнительных двух-трех безбуквенных штрихов», «включение в состав подписи цифровой записи», «необычное размещение подписи по отношению к горизонтальному срезу листа бумаги», «многократность обводки росчерка на всем протяжении его выполнения» и т.д., и т.п.¹³ Показателен и вывод соавторов: «исходя из результатов экспериментального исследования, можно заметить, что характер проявления оригинальности подписи напрямую зависит от степени отклонения от ее буквенной основы»¹⁴.

Очевидно, для формирования «оригинальной» подписи обычному человеку (прежде всего подростку, если учесть наиболее распространённое время этого формирования) желательно использовать некие абстрактные движения (безбуквенные штрихи), о характере и форме которых он не имеет ни малейшего представления. Что касается других средств достижения «оригинальности», то большинство из них звучат едва ли не как прямые (вполне профессиональные) «рекомендации» по усложнению возможной процедуры идентификации пишущего по подписи. По своей сути они лучше всего подходят для сокрытия подделки. В связи с этим, настораживающим и даже пугающим выглядит указание на то, что «необходимость

создания подписей оригинальной конструкции или же с чертами оригинальности имеет и сугубо практическое значение»¹⁵.

Что касается упомянутого ранее снижения влияния «существующей негативной тенденции» на упрощение строения подписей, то это заявление вызывает недоумение. В своих работах соавторы не прослеживают каких-либо изменений состава русской подписи на определенных исторических отрезках времени. Нет ссылок и на соответствующие исследования коллег. Если же предположить, что они все-таки знакомы с результатами качественно-количественного анализа подписей (о котором речь шла выше), то тогда им должно быть известно, что число кратких подписей, упрощенной конструкции (первая группа по классификации, использованной в качественно-количественном анализе) также составляла 29% от выборки — то есть тенденции увеличения данной группы не наблюдается¹⁶.

Между тем, проведенные работы по качественно-количественному анализу современных подписей и разработке их классификации, предусматривающей разделение подписей по составу, конструктивной сложности (основой которой являются либо читаемые буквы, либо варианты этих букв усложненного строения), а также возможность воспроизведения их другими лицами (то есть защищенность от подделки) позволили другим исследователям осмыслить подпись как особое почерковое явление. В сочетании с анализом истории развития русской подписи это дало возможность говорить о том, что в процессе формирования подписи задействовано большое разнообразие различных факторов, начиная от степени сформированности и индивидуальных особенностей навыков письма (на сложности которых оказывают влияние объективные и субъективные факторы, в том числе и психофизиологические особенности конкретного человека, его индивидуальные поведенческие стратегии и т.п.), заканчивая представлениями о формах и средствах саморепрезентации и влиянием на них исторических социокультурных изменений.

К сожалению, все это осталось за пределами интересов соавторов рассматриваемых статей. Разве что за исключением классификации подписей. Она оказалась учтенной и, без всяких ссылок на реальных разработчиков, воспроизведенной с некоторым «творческим переосмыслением»: был изменен порядок счета групп, а в качестве основания классификации указана «оригинальность конструктивного строения»¹⁷.

Отметим также, что проведенные указанными соавторами экспериментальные исследования, снабженные некорректными, иногда — странными с психологической точки зрения вопросами, по нашему мнению, лишь подтверждают глубину их теоретических и методологических заблуждений. В результате становится очевидным, что они упускают из виду тот факт, что сама природа подписи не позволяет навязать ее внешний вид человеку¹⁸. Если бы подпись конструировалась по какому-либо внешнему указанию, то она никогда не носила бы естественных индивидуальных признаков подписного почерка. Это была бы искусственная конструкция, которая, конечно, могла бы быть автоматизирована на уровне ее исполнения, но при этом носила бы характер не более чем рисунка, выполняемого по памяти. В качестве доказательства можем предложить авторам процитированных статей провести эксперимент, попробовав, опираясь на предлагаемую ими же схему, сформировать и выработать какой-то другой вариант собственных подписей.

В заключение отметим, что именно нас побудило включиться в дискуссию. Рассматриваемые работы принадлежат перу не начинающих молодых специалистов, а подготовлены профессионалами, активно участвующими в процессе обучения почерковедов системы МВД России. Соответственно, их заблуждения имеют шанс стать основой для ложного понимания предмета почерковедческой экспертизы будущими криминалистами. Более того, количество опубликованных авторами работ по обсуждаемой теме может расцениваться как начало формирования некой новой «методики» исследования, что в современных условиях грозит пагубными последствиями.

В настоящее время криминалистами, сотрудниками правоохранительных органов опубликованная методика начинает восприниматься в качестве истины в последней инстанции. Это постепенно превратилось в особую проблему, прежде всего, в работе частных экспертов. В большом количестве

стали появляться негативные рецензии экспертов на исследование друг друга со ссылками на несоблюдение методик. В первые годы после возникновения института частных экспертов консультационные исследования специалистов (в том числе и рецензии) носили конструктивный характер и выполнялись с установкой на исправление ошибок коллег. Для этого исследовались (хотя бы в копиях) те же материалы, что и экспертом, проводившим рецензируемую экспертизу, а не только анализировался текст его заключения. Причем, как правило, выполнялась эта работа наиболее опытными и профессионально подготовленными экспертами, умеющими научно обосновать свои выводы при указании на допущенные ошибки. В настоящее время суды наводнили консультационные исследования, в которых рассматривается только текст заключения (иногда даже без иллюстраций). К сожалению, очень часто эти рецензенты сами имеют небольшой профессиональный опыт (здесь мы подразумеваем не дату получения допуска на право производства почерковедческих экспертиз, а действительный опыт работы с почерковедческими объектами), при том, что рецензируют они зачастую заключения более опытных экспертов, пришедших к правильным выводам. Основной аргументацией в такого рода рецензиях как раз и оказываются ссылки на опубликованные методики, качество которых сами рецензенты во многих случаях просто не могут оценить. Эти обстоятельства заставляют нас с повышенным вниманием относиться к публикациям, подобным тем, о которых шла речь в настоящей статье.

Список литературы

1. Бурданова В.С. К вопросу об истории русской подписи / В.С. Бурданова, Л.А. Сысоева, Д.О. Цыпкин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 1999. № 1. С. 118–121.
2. Кошманов П.М. Дифференциация современных подписей по степени оригинальности их конструктивного строения / П.М. Кошманов, М.П. Кошманов, Н.А. Вилкова // Эксперт-криминалист. 2015. № 2. С. 10–14.
3. Кошманов П.М. Оригинальность конструктивного строения современных подписей: понятие и составляющие структурные элементы / П.М. Кошманов, М.П. Кошманов, Н.А. Вилкова, А.А. Шнайдер // Эксперт-криминалист. 2016. № 1. С. 22–26.
4. Пахомов А.В., Сысоева Л.А. Судебно-экспертное исследование современной подписи: учебное пособие / А.В. Пахомов, Л.А. Сысоева. М.: ЭКЦ МВД России, 2007.
5. Сысоева Л.А. Особенности исследования «русской подписи» / Л.А. Сысоева // Фотография. Изображение. Документ. Вып. 4 (4). СПб.: ГМВЦ РОСФОТО, 2013. С. 10–14.
6. Сысоева Л.А. Современное состояние почерковедческого исследования подписи / Л.А. Сысоева // Фотография. Изображение. Документ. Вып. 4 (4). СПб.: ГМВЦ РОСФОТО, 2013. С. 10–14.
7. Сысоева Л.А. Особенности исследования «русской подписи» // Эксперт-криминалист. 2011. № 2. С. 29–33.
8. Пахомов А.В., Сысоева Л.А. Судебно-экспертное исследование современной подписи: учебное пособие. М., 2007.
9. Бурданова В.С., Сысоева Л.А., Цыпкин Д.О. К вопросу об истории русской подписи // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 1999. № 1. С. 118–121.
10. URL: <http://expositions.nlr.ru/rusautograph/autograph/>
11. Кошманов П.М., Кошманов М.П., Вилкова Н.А. Дифференциация современных подписей по степени оригинальности их конструктивного строения // Эксперт-криминалист. 2015. № 2. С. 10–14.
12. Кошманов П.М., Кошманов М.П., Вилкова Н.А., Шнайдер А.А. Оригинальность конструктивного строения современных подписей: понятие и составляющие структурные элементы // Эксперт-криминалист. 2016. № 1. С. 22–26.
13. Кошманов П.М., Кошманов М.П., Вилкова Н.А. Дифференциация современных подписей по степени оригинальности ... С. 11.
14. Там же. С. 11.
15. Там же.
16. Бурданова В.С., Сысоева Л.А., Цыпкин Д.О. К вопросу об истории русской подписи ... С. 120; Сысоева Л.А. Современное состояние почерковедческого исследования подписи // Фотография. Изображение. Документ. Вып. 4 (4). СПб., 2013. С. 10–11.
17. Кошманов П.М., Кошманов М.П., Вилкова Н.А. Дифференциация современных подписей по степени оригинальности ... С. 11.
18. Там же. С. 12–13.
19. Там же. С. 12.
20. Там же. С. 13.
21. Там же.
22. 28% с добавлением подписей, состоящих из условных письменных знаков в виде системы простых, простых петлевых, угловатых и дуговых движений (Сысоева Л.А. Современное состояние почерковедческого исследования подписи ... С. 10–11).
23. Кошманов П.М., Кошманов М.П., Вилкова Н.А. Дифференциация современных подписей по степени оригинальности ... С. 11–13; Кошманов П.М., Кошманов М.П., Вилкова Н.А., Шнайдер А.А. Оригинальность конструктивного строения современных подписей: понятие и составляющие структурные элементы ... С. 23.

КОНФЕРЕНЦИИ. НАШ ДАЙДЖЕСТ

Международная научно-практическая конференция «Проблемы классификации судебных экспертиз, сертификации и валидации методического обеспечения, стандартизации судебно-экспертной деятельности» (г. Москва, 21 января 2016 г.)

Инициаторами и организаторами конференции выступили кафедра судебных экспертиз университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) совместно с Российским федеральным центром судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации (РФЦЭСЭ при Минюсте России) при участии Некоммерческого партнерства «Палата судебных экспертов».

Конференция привлекла внимание не только ученых, занимающихся проблемами судебно-экспертной деятельности, но и практикующих экспертов (сотрудников государственных и негосударственных судебно-экспертных учреждений). Всего на конференции зарегистрировались 178 участников. Заседание конференции транслировалось онлайн в сети Интернет и вызвало большой интерес научной и экспертной общественности.

Открыл конференцию проректор по научной работе Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ **Владимир Николаевич Синюков**.

Участников конференции приветствовал директор Департамента по вопросам правовой помощи и взаимодействия с судебной системой Министерства юстиции Российской Федерации **Сергей Алексеевич Погудин**, отметив значимость судебно-экспертной деятельности как инструмента обеспечения правосудия.

С докладом о классификации судебных экспертиз в русле стандартизации судебно-экспертной деятельности выступила директор Института судебных экспертиз, заведующая кафедрой судебных экспертиз Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н., профессор, академик РАЕН, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, Президент Ассоциации образовательных учреждений «Судебная экспертиза» **Елена Рафаиловна Россинская**. Ею была отмечена необходимость принятия унифицированной классификации судебных экспертиз по родам и видам, за основу которой она предложила взять разработанную общей теорией судебной экспертологии научную классификацию. В докладе также обосновывалась необходимость создания единых межведомственных комиссий для аттестации (сертификации) государственных и негосударственных судебных экспертов.

В докладе директора РФЦЭСЭ при Минюсте России, д.ю.н., профессора, заслуженного юриста РФ **Светланы Аркадьевны Смирновой**, посвященном законодательному регулированию инноваций судебно-экспертной деятельности, было уделено внимание не только современным реалиям, но и перспективам в свете проекта федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», отмечена значимость реализации инноваций, связанных со стандартизацией судебно-экспертной деятельности.

Начальник ЭКЦ МВД России генерал-майор полиции, к.ю.н. **Петр Львович Гришин** в своем выступлении отметил, что проведение такой конференции с участием представителей различных государственных и негосударственных экспертных учреждений будет способствовать выработке решений, направленных на совершенствование судебно-экспертной деятельности.

Поприветствовав участников конференции, директор Института судебной экспертизы Казахского гуманитарно-юридического университета, д.ю.н., профессор **Калиолла Кабаевич Сейтенов** подчеркнул важность стандартизации судебно-экспертной деятельности.

Заместитель директора РФЦЭСЭ при Минюсте России, д.ю.н., профессор **Александр Иванович Усов** обратил внимание на межлабораторные профессиональные тестирования как способ подтверждения компетентности судебно-экспертной лаборатории. Заместитель заведующей кафедрой судебных экспертиз Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н., д.филол.н., профессор, академик РАЕН **Елена Игоревна Галяшина** в своем выступлении обратилась к проблеме подготовки экспертов и их сертификации, отметив необходимость паспортизации экспертных специальностей.

Главный эксперт Института судебной экспертизы по Павлодарской области ЦСЭ МЮ Республики Казахстан, к.ю.н. **Лада Федоровна Парамонова** в своем докладе осветила проблемы и перспективы формирования перечня экспертных специальностей (на примере Республики Казахстан). О концептуальных подходах к стандартизации судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации рассказал на конференции старший государственный эксперт РФЦЭСЭ при Минюсте России, д.ю.н., доцент **Георгий Георгиевич Омелянюк**. Заместитель заведующего кафедрой уголовно-процессуального права, криминалистики и судебной экспертизы им. Н.В. Радутной Российского государственного университета правосудия, д.ю.н., к.б.н., профессор **Татьяна Федоровна Моисеева** рассмотрела стандартизацию судебно-экспертной деятельности как способ устранения некоторых процессуальных и методических проблем ее осуществления. К процессуальным и организационным ошибкам при назначении и производстве комплексных экспертиз обратилась в своем выступлении профессор кафедры оружейведения и трасологии Московского университета МВД России, д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ **Надежда Павловна Майлис**. Завершилась первая часть конференции докладом заместителя директора НП «СУДЭКС», к.т.н. **Сергея Евгеньевича Киселева** о состоянии ведомственной и вневедомственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации.

Далее заместитель начальника ФГКОУ «Восточно-Сибирского института МВД России, к.ю.н., доцент **Николай Юрьевич Жигалов** в своем докладе акцентировал внимание на необходимости координации взаимодействия и сотрудничества экспертных учреждений различных ведомств. Представитель ФСКН России — ведущий эксперт отдела фоноскопических экспертиз и исследований экспертно-криминалистического управления Департамента специального и криминалистического обеспечения **Елена Александровна Красовская** рассказала об опыте валидации типовой методики идентификации по голосу и речи в экспертно-криминалистических подразделениях органов наркоконтроля в контексте совершенствования законодательства в сфере судебно-экспертной деятельности. Главный эксперт ЛСЭЭ РФЦЭСЭ при Минюсте России, д.ю.н., профессор, академик РАЕН **Елена Ивановна Майорова**

обозначила проблемные вопросы классификации судебных экологических экспертиз.

Заведующая кафедрой криминалистики и уголовного процесса ГОУ ВО «Государственный социально-гуманитарный университет», к.ю.н., доцент **Елена Вячеславовна Иванова** остановилась в своем докладе на вопросах содержания и нормативной регламентации методического обеспечения судебно-экспертной деятельности. Ей, как представителю вуза, Президент Ассоциации образовательных учреждений «Судебная экспертиза», профессор Е.Р. Россинская вручила свидетельство о членстве Государственного социально-гуманитарного университета в Ассоциации образовательных учреждений «Судебная экспертиза».

Доцент кафедры криминалистики института права Башкирского государственного университета, исполнительный директор Урало-Поволжского объединения судебных экспертов, к.ю.н., доцент, Почетный сотрудник МВД России **Фарит Гизарович Аминев** осветил некоторые проблемные вопросы аккредитации судебно-экспертных лабораторий в Российской Федерации.

Широкое обсуждение вызвал доклад заведующего НИЛ методического сопровождения СЭД НПЦ Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, к.т.н., доцента **Сергея Николаевича Нефедова** о нормативном и методическом аспектах системы обеспечения качества судебно-экспертной деятельности в Республике Беларусь.

Выступили с докладами и приняли участие в дискуссии также другие видные ученые в области теории и практики судебной экспертизы и практикующие государственные и негосударственные судебные эксперты.

В рамках конференции авторам монографии «Судебная экспертиза: типичные ошибки» были вручены дипломы лауреатов Всероссийского конкурса «Лучшая научная книга».

Резюмируя изложенное, следует отметить, что спектр обсуждаемых на конференции проблем был достаточно широк и касался вопросов классификации судебных экспертиз и их отражения в перечнях экспертных специальностей; сертификации и валидации методического обеспечения судебно-экспертной деятельности; стандартизации судебно-экспертной деятельности и аккредитации судебно-экспертных лабораторий. Проведенное глубокое обсуждение перечисленных проблем, несомненно, будет способствовать их разрешению и совершенствованию всей судебно-экспертной деятельности.

По результатам конференции принята резолюция и издан сборник материалов (см. сайт ИСЭ Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА): URL: <http://isemgua.ru/>).

Материал подготовлен

Е.Р. Россинской,

заведующей кафедрой судебных экспертиз Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), директором Института судебных экспертиз, Президентом Ассоциации образовательных учреждений «Судебная экспертиза», д.ю.н., профессором, академиком РАЕН, заслуженным деятелем науки РФ, почетным работником высшего профессионального образования РФ;

М.Л. Подкатиловой,

старшим преподавателем кафедры судебных экспертиз Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н.

К вопросу о профессиональной подготовке экспертов государственных и негосударственных судебно-экспертных организаций*

Аминев Фарит Гизарович,
доцент кафедры криминалистики Института права
ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»,
член Евразийской академии судебной медицины и экспертизы,
исполнительный директор Урало-Поволжского объединения
судебных экспертов (г. Уфа),
кандидат юридических наук, доцент,
Почетный сотрудник МВД России
faminev@mail.ru

В статье автор рассматривает вопросы профессиональной подготовки экспертов государственных и негосударственных судебно-экспертных организаций. Показана необходимость профессиональной подготовки экспертов по единым требованиям и создание единого вневедомственного органа по обучению и сертификации судебных экспертов.

Ключевые слова: судебно-экспертное обеспечение, эксперт, профессиональная подготовка, государственные и негосударственные судебно-экспертные организации, сертификация.

In article the author considers questions of vocational training of experts of the state and non-state judicial and expert organizations. Need of vocational training of experts in uniform requirements and creation of uniform non-departmental body for training and certification of judicial experts is shown.

Key words: judicial and expert providing, expert, vocational training, state and non-state judicial and expert organizations, certification.

Правовые отношения в Российской Федерации находятся в настоящее время на стадии глубоких преобразований. И эти преобразования не могли не затронуть деятельность в правоохранительной сфере, в судопроизводстве, оказание юридических услуг и т.д. В свою очередь, усилия, предпринимаемые по совершенствованию судопроизводства, обуславливают повышенное внимание к ее качественному судебно-экспертному обеспечению, в том числе из-за того, что максимальный эффект деятельности по сбору, исследованию и использованию доказательств при установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретным делам, может быть обеспечен лишь в результате использования специальных познаний специалиста и эксперта¹.

Следственная и экспертная практика свидетельствуют о проблемах в деле обеспечения высокого качества работы в этом направлении. Так, в результате проведенного нами опроса 100 следователей УМВД РФ по г. Уфе установлено, что только 42% опрошенных считают уровень судебно-экспертного обеспечения судопроизводства достаточным, 39% — недостаточным, 19% — затрудняются ответить. Менее критично к оценке этой деятельности отнеслись эксперты экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел Республики Башкортостан: 62,5% опрошенных считают уровень судебно-экспертного обеспечения судопроизводства достаточным, 25% — недостаточным, 12,5% — затрудняются ответить. Довольно неожиданными оказались результаты анонимного анкетирования 134 работников негосударственных судебно-экспертных организаций Республики Башкортостан: только 32,8% признали уровень судебно-экспертного обеспечения судопроизводства достаточным, 50,8% — недостаточным, 16,4% — затруднились ответить.

Приведенные результаты служат лишь дополнением к анализу более 800 уголовных дел, законченных производством в судах Республик Татарстан и Башкортостан, Челябинской, Свердловской, Пермской, Оренбургской областей, который подводит к выводу: для повышения уровня судебно-экспертного

обеспечения судопроизводства необходимы в первую очередь действенные меры по повышению уровня профессиональной подготовки экспертов и специалистов.

В государственных судебно-экспертных организациях (учреждениях) вопросам профессиональной подготовки экспертов уделяется серьезное внимание. Так, «активно ведется работа по подготовке и совершенствованию профессионального мастера экспертных кадров ... ежегодно повышают квалификацию более 3 тыс. сотрудников и руководителей экспертно-криминалистической службы системы МВД России»². Организованная «подготовка сотрудников, принятых на работу и не имеющих опыта экспертной работы, осуществляется непосредственно в ЭКП по месту службы, по типовой программе самостоятельной подготовки эксперта-криминалиста под контролем эксперта-наставника»³. Затем проводится стажировка сотрудника, в ходе которой он приобретает знания, умения и навыки, необходимые для выполнения функциональных обязанностей по занимаемой должности. После стажировки в экспертно-криминалистическом центре (ЭКЦ) своего региона, или в ЭКЦ МВД России или базовых отделах ЭКЦ ГУМВД, УМВД РФ, экспертно-квалификационной комиссией МВД принимается решение о предоставлении права самостоятельно производить конкретный вид судебных экспертиз⁴.

Однако такая профессиональная подготовка по ряду причин не смогла привести к коренному повышению качества судебно-экспертного обеспечения:

1. Она осуществляется ускоренными темпами в условиях напряжения всех морально-волевых и интеллектуальных сил кандидата в эксперты. Кандидату в эксперты приходится практически одновременно готовить себя к двум видам деятельности: в качестве эксперта и специалиста (для участия в следственных действиях и оперативно-розыскных мероприятиях).

2. Загруженность экспертов-наставников своей повседневной работой; низкий научно-педагогический уровень процесса такого обучения; низкий методический уровень программ подготовки и т.д.

* Revisiting the Professional Training of Experts of State and Private Forensic Expert Organizations

Aminev Farit Gizarovich, associate professor of criminalistics of Institute of the right FGBOU WAUGH "The Bashkir state university", member of the Euroasian academy of forensic medicine and examination, executive director of Uralo-Povolzhsky association of judicial experts (Ufa), candidate of jurisprudence, associate professor, Honourable police officer of Russia

3. Согласно ст. 13 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» должность эксперта в государственных судебно-экспертных учреждениях может занимать гражданин Российской Федерации, имеющий высшее образование и получивший дополнительное профессиональное образование по конкретной экспертной специальности. Экспертные учреждения силовых ведомств лицензий на образовательную деятельность не имеют, поэтому они вынуждены согласовывать свои программы подготовки с программами по дополнительному образованию соответствующих вузов.

4. Подготовка экспертов с высшим образованием в области криминалистических экспертиз осуществляется только в трех высших учебных заведениях МВД России: Волгоградской академии, Московском университете, Санкт-Петербургском университете МВД России. Количество выпускников вузов экспертной специализации недостаточно для нашей необъятной страны. Так, в ЭКЦ МВД по Республике Башкортостан выпускников таких вузов крайне мало — только 5% от общего количества экспертов (такая ситуация длится уже много лет). Направивается вывод: необходимы еще несколько вузов, выпускающих судебных экспертов-криминалистов с высшим образованием.

5. Специалисты — физики, химики, экономисты и др. набираются в судебно-экспертные учреждения из числа выпускников гуманитарных и технических вузов. Поэтому они не знают основ криминалистики, уголовного права, теории судебной экспертизы и т.д., у них отсутствуют системные знания о судебно-экспертной деятельности в целом. Естественно, что навыки и знания, необходимые в практической экспертной работе, ими приобретаются лишь по прошествии многих лет пребывания в должности, в течение которых постоянно ощущается недостаток знаний юридических наук. Поэтому, мы согласны с мнением о том, что такие сотрудники должны получить второе высшее профессиональное образование по программе магистратуры по специальности «Судебная экспертиза» определенной специализации. Есть множество наук, где знаний бакалавра в сочетании с освоением магистерской программы по судебной экспертизе для проведения некоторых видов экспертных исследований было бы вполне достаточно⁵. Кстати, в некоторых российских университетах уже ведется обучение по программе магистратуры, например, в Московском государственном строительном университете (МГСУ), Финансовом университете при Правительстве РФ и др. В 2016 году в Московском государственном университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) открыта магистерская программа «Правовое обеспечение судебно-экспертной деятельности».

6. В ходе профессиональной подготовки экспертов ни в профильных вузах, ни во время стажировок в ведущих судебно-экспертных учреждениях не осуществляется обучение тактике экспертной деятельности на стадии судебного разбирательства. Между тем практика показывает, что «принцип состязательности сторон кульминационно проявляется на этапе судебного разбирательства, где каждая из сторон самостоятельно и по своему усмотрению представляет доказательства, подтверждающие ее позицию и опровергающие позицию противоположной стороны»⁶. Большая часть судебных экспертов в ходе заседаний суда, в которых они участвуют впервые, ведут себя неуверенно, страдают потерей логики в рассуждениях при ответах на вопросы, задаваемые сторонами в ускоренном темпе, не готовы аргументированно отстаивать ход и результаты своего экспертного исследования и т.д. По нашему мнению, крайне необходимо в программу по дополнительному профессиональному образованию ввести спецкурс «Участие эксперта в судебном заседании».

Вопросы, связанные с профессиональной подготовкой судебных экспертов государственных судебно-экспертных учреждений, многочисленны. Они касаются различных сторон судебно-экспертной деятельности. Идут постоянные дискуссии и принимаются определенные организационно-методические меры в целях преодоления выявляемых в этой деятельности недостатков. Процесс обучения и повышения квалификации этих сотрудников находится под постоянным контролем руководителей соответствующих ведомств.

Совсем иная ситуация складывается с профессиональной подготовкой экспертов негосударственных судебно-экспертных организаций и так называемых частных (вневедомственных) экспертов.

Прежде всего, приведем данные, свидетельствующие о значимости деятельности вышеназванной категории экспертов в судопроизводстве. В 2014 г. 64% постановлений (определений) о назначении судебной экспертизы в гражданском судопроизводстве Российской Федерации и 30,2% постановлений в административном производстве были вынесены в адрес указанных экспертов⁷. Это свидетельствует о признании негосударственных судебно-экспертных организаций и частных (вневедомственных) экспертов наряду с государственными судебно-экспертными учреждениями в качестве достаточно квалифицированных «производителей» судебных экспертиз. В этих коллективах штатных экспертов немного (в период экономического кризиса содержать большое количество сотрудников не всякая частная организация может себе позволить). Однако в каждой из этих организаций имеются картотеки судебных экспертов (и многолетний опыт автора в качестве руководителя негосударственной судебно-экспертной организации подтверждает это), привлекаемых при необходимости для решения сложных экспертных задач. Причем диапазон специальных знаний, которые могут быть востребованы, значительно шире, чем в государственных экспертных учреждениях⁸.

Вместе с тем, к признанию в качестве судебного эксперта лица, не работающего в государственном судебно-экспертном учреждении, но обладающего специальными знаниями, следует относиться как можно серьезнее.

Анализ судебной практики свидетельствует — при определении компетентности судебного эксперта по выполнению конкретного вида судебных экспертиз уполномоченные процессуальным законом лица (следователи, дознаватели, судьи) руководствуются издавна сложившейся практикой: истребуют документ, свидетельствующий о наличии специальных знаний в необходимой области (диплом о высшем профессиональном образовании), а также сертификат соответствия компетентности эксперта требованиям системы добровольной сертификации негосударственных судебных экспертов. Данное правило стало распространенным явлением, несмотря на отсутствие процессуального требования и тот факт, что сертификат соответствия компетентности в настоящее время не является гарантом компетентности из-за того, что в России на сегодняшний день существуют около 30 систем добровольной сертификации, 27 из которых не имеют ни методической, ни материальной, ни кадровой базы для проведения обучения и квалифицированной сертификации экспертов.

К сожалению, в результате такого подхода к производству экспертизы допускаются лица, не имеющие соответствующей подготовки по производству судебных экспертиз, но зато гарантирующие их производство в короткие сроки и за низкую стоимость (критерии, явно не свидетельствующие о компетентности эксперта, тем не менее часто принимаемые во внимание).

Думается, описанный подход к подбору судебного эксперта, следует искоренять путем повышения требований к профессиональной подготовке негосударственного (частного, вневедомственного) эксперта. Наиболее оптимальным видится реализация предложения директора Российского федерального центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции РФ С.А. Смирновой. Она предлагает в целях соблюдения всеми судебными экспертами и экспертными учреждениями единых требований, предъявляемых к их компетентности, и обеспечения достоверности исследований, провести стандартизацию судебно-экспертной деятельности⁹.

Представляется, что следует предусмотреть гибкий подход к стандартизации деятельности экспертов из числа ученых, обладающих специальными знаниями в крайне узких, глубоко специфических областях науки, которыми, в некоторых случаях можно с уверенностью сказать, не обладает ни один член комиссии (органа) по стандартизации. В таких случаях можно предложить научно-методические разработки экспертов в крайне узких и редких направлениях научного знания проверять (сертифицировать) учеными советами подразделений Академии наук или университетов соответствующего профиля.

Исходя из необходимости единых требований к компетентности экспертов, можно предложить для достижения этой цели два направления профессиональной подготовки экспертов негосударственных судебно-экспертных организаций.

Первое: а) обучение в вузах по специализированным программам ФГОС ВО по специальности 40.05.03 «Судебная экс-

пертиза» (квалификация — специалист) с получением диплома о высшем образовании; б) на базе высшего профессионального образования — получение второго высшего образования по магистерской программе по специальности «Судебная экспертиза» определенной специализации.

Второе направление — получение дополнительного профессионального образования по конкретной экспертной специальности. Оно может быть получено путем обучения лиц, имеющих высшее образование, в соответствии с дополнительными профессиональными программами в рамках повышения квалификации и профессиональной подготовки. Такая система профессиональной подготовки негосударственных судебных экспертов реализуется на федеральном уровне Некоммерческим партнерством «Палата Судебных экспертов» («СУДЭКС»), образованным усилиями Российского федерального центра судебных экспертиз при Министерстве юстиции РФ и ФГУ «Российский центр судебно-медицинской экспертизы» Министерства здравоохранения РФ. Палатой к проведению курсов переподготовки и повышения квалификации экспертов привлекаются наиболее квалифицированные и авторитетные ученые и ведущие эксперты-практики; экспертов обучают самым современным методикам; подготовка проводится и по некоторым неординарным видам судебных экспертиз и т.д. На сегодняшний день Палатой проведена профессиональная подготовка, включая переподготовку, повышение квалификации, более 3500 судебных экспертов негосударственных судебно-экспертных организаций.

В целях соблюдения единых требований к профессиональной подготовке судебных экспертов можно предложить объединить некоторые преимущества подготовки экспертов государственными структурами (планирование и методическое обеспечение учебного процесса, наличие отдельно выделенных помещений для учебных лабораторий и т.д.) с системой подготовки негосударственными учреждениями (возможность быстрого внедрения новых видов судебных экспертиз, привлечения к процессу обучения видных ученых и высококвалифицированных практиков и т.д.) — в одну вневедомственную Высшую федеральную квалификационную комиссию судебных экспертов с филиалами в территориальных округах Российской Федерации. Данной структуре должно предоставляться право проведения обучения, экзаменов, выдачи свидетельств (или сертификатов компетентности эксперта), ведения реестров судебных экспертов и судебно-экспертных лабораторий и т.д.

Перечень проблем, связанных с профессиональной подготовкой судебных экспертов в государственных и негосударственных судебно-экспертных организациях, не ограничивается вышеперечисленными. Экспертному сообществу России необходимо предпринять усилия для разработки оптимальных путей повышения качества судебно-экспертной деятельности в интересах государства и граждан.

Список литературы

1. Варданян А.В. Криминалистическая тактика в контексте современной парадигмы уголовного судопроизводства: некоторые теоретико-методологические проблемы // Вестник Казанского юридического института МВД России. № 4 (22). 2015. С. 62–67.
2. Волинский А.Ф. Судебно-экспертная и криминалистическая виды деятельности: общее и особенное / А.Ф. Волинский // Эксперт-криминалист. 2013. № 2. С. 18–20.
3. Гречуха Н.М. О состоянии ведомственной и вневедомственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации / Н.М. Гречуха, С.Е. Киселев, Ю.Г. Корухов // Проблемы классификации судебных экспертиз, сертификации и валидации методического обеспечения, стандартизации судебно-экспертной деятельности: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 21 января 2016 г.). М.: Проспект, 2016. С. 147–155.
4. Гришин П.Л. Экспертно-криминалистическая служба системы МВД России на современном этапе / П.Л. Гришин // Криминалистические средства и методы в раскрытии и расследовании преступлений: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции по криминалистике и судебной экспертизе с международным участием (Москва, 4–5 марта 2014 г.). М., 2014. С. 4–10.

5. Карагодин В.Н. Пределы независимости судебного эксперта в уголовном судопроизводстве / В.Н. Карагодин, Н.Б. Вахмянина, А.А. Казаков // Эксперт-криминалист. 2015. № 1. С. 15–20.

6. Комиссарова Я.В. Концептуальные основы профессиональной деятельности эксперта в уголовном судопроизводстве: монографии. М.: Юрлитинформ, 2010.

7. Комиссарова Я.В. Перспективы формирования межатраслевого института судебной экспертизы / Я.В. Комиссарова // Российский судья. 2012. № 3. С. 46–48.

8. Корнелиук О.В. Некоторые вопросы взаимодействия оперативных и экспертных подразделений ФСКН России при выявлении и раскрытии преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков / О.В. Корнелиук // Государство и гражданское общество как элементы механизма противодействия наркоагрессии в России: сб. материалов Международной научно-практической конференции (Уфа, 14–15 марта 2013 г.) / под общ. ред. А.Ю. Кийко. Уфа: УФ СЗИПК ФСКН России, 2014. С. 138–142.

9. Практическое руководство по производству судебных экспертиз для экспертов и специалистов: практ. пособие / под ред. Т.В. Аверьяновой, В.Ф. Статуса. 2-е изд., перераб и доп. М.: Юрайт, 2015.

10. Россинская Е.Р. Настольная книга судьи: судебная экспертиза / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина. М.: Проспект, 2016.

11. Смирнова С.А. Законодательное регулирование инноваций судебно-экспертной деятельности // Проблемы классификации судебных экспертиз, сертификации и валидации методического обеспечения, стандартизации судебно-экспертной деятельности: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 21 января 2016 г.). М.: Проспект, 2016. С. 262–265.

12. Хрусталева В.Н. Перспективы академической подготовки судебных экспертов в России / В.Н. Хрусталева // Эксперт-криминалист. 2013. № 1. С. 20–22.

¹ Корнелиук О.В. Некоторые вопросы взаимодействия оперативных и экспертных подразделений ФСКН России при выявлении и раскрытии преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков // Государство и гражданское общество как элементы механизма противодействия наркоагрессии в России: сб. материалов Международной научно-практической конференции (Уфа, 14–15 марта 2013 г.) / под общ. ред. А.Ю. Кийко. Уфа: УФ СЗИПК ФСКН России, 2014. С. 141.

² Гришин П.Л. Экспертно-криминалистическая служба системы МВД России на современном этапе // Криминалистические средства и методы в раскрытии и расследовании преступлений: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции по криминалистике и судебной экспертизе с международным участием (Москва, 4–5 марта 2014 г.). М., 2014. С. 9.

³ Практическое руководство по производству судебных экспертиз для экспертов и специалистов: практич. пособие / под ред. Т.В. Аверьяновой, В.Ф. Статуса. 2-е изд., перераб и доп. М.: Юрайт, 2015. С. 59.

⁴ Там же. С. 61.

⁵ Комиссарова Я.В. Концептуальные основы профессиональной деятельности эксперта в уголовном судопроизводстве: монографии. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 167.

⁶ Варданян А.В. Криминалистическая тактика в контексте современной парадигмы уголовного судопроизводства: некоторые теоретико-методологические проблемы // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 4 (22). С. 64.

⁷ Гречуха Н.М., Киселев С.Е., Корухов Ю.Г. О состоянии ведомственной и вневедомственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Проблемы классификации судебных экспертиз, сертификации и валидации методического обеспечения, стандартизации судебно-экспертной деятельности: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 21 января 2016 г.). М.: Проспект, 2016. С. 155.

⁸ Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. М.: Проспект, 2016. С. 68.

⁹ Смирнова С.А. Законодательное регулирование инноваций судебно-экспертной деятельности // Проблемы классификации судебных экспертиз, сертификации и валидации методического обеспечения, стандартизации судебно-экспертной деятельности: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 21 января 2016 г.). М.: Проспект, 2016. С. 263.

Доступ к профессии эксперта и паспорт экспертной специальности*

Галяшина Елена Игоревна,
заместитель заведующего кафедрой,
профессор кафедры судебных экспертиз
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, доктор филологических наук,
профессор, академик Российской академии естественных наук
egalyashina@gmail.com

В статье рассматриваются проблемы обеспечения доступа к профессии эксперта через унификацию подготовки по экспертным специальностям в рамках дополнительного профессионального образования. Предлагается ввести понятие «паспорт экспертной специальности» и реестр экспертных специальностей. Автор относит паспортизацию экспертных специальностей к числу приоритетных проблем стандартизации судебно-экспертной деятельности.

Ключевые слова: квалификационные и профессиональные требования, экспертная специальность, паспорт, унификация, стандартизация.

The article discusses some problems occurring in legal proceedings with the access to an expert's profession. The author suggests to solve them with the unification of professional expert's training programs and passportization of expert's specialties.

Key words: qualification, professional demands, expert's speciality, passport, unification, standardization.

Судебно-экспертная деятельность основывается на принципах законности, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, прав юридического лица, а также независимости эксперта, объективности, всесторонности и полноты исследований, проводимых строго в пределах экспертной специальности с использованием современных достижений науки и техники. Деятельность эксперта должна осуществляться при условии точного исполнения требований Конституции РФ и иных нормативных правовых актов, составляющих правовую основу этой деятельности. Нарушение закона при осуществлении судебно-экспертной деятельности недопустимо и влечет за собой ответственность, установленную законодательством Российской Федерации.

Важнейшими требованиями действующего законодательства о судебно-экспертной деятельности, составляющими основу допуска лица для проведения экспертизы, выступают положения, определяющие квалификацию, опыт и компетенции эксперта.

Профессия эксперта в современных условиях судопроизводства может быть определена как род трудовой деятельности человека, владеющего системой знаний, умений и навыков, приобретенных в ходе специальной подготовки и практического опыта. В рамках одной профессии могут быть разные специальности. Специальность — «комплекс приобретаемых путем специальной теоретической и практической подготовки знаний, умений, навыков и компетенций, необходимых для определенной деятельности в рамках соответствующей области профессиональной деятельности; профиль, специализация — направленность основной образовательной программы на конкретный вид и (или) объект профессиональной деятельности»¹.

Профессиональные и квалификационные требования, предъявляемые к судебному эксперту сформулированы в ст. 13 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее — ФЗ ГСЭД). Должность эксперта в государственных судебно-экспертных учреждениях может за-

нимать гражданин Российской Федерации, имеющий высшее образование и получивший дополнительное профессиональное образование по конкретной экспертной специальности в порядке, установленном нормативными правовыми актами соответствующих федеральных органов исполнительной власти. Должность эксперта в экспертных подразделениях федерального органа исполнительной власти в области внутренних дел может также занимать гражданин Российской Федерации, имеющий среднее профессиональное образование в области судебной экспертизы.

Дополнительное профессиональное образование осуществляется посредством реализации дополнительных профессиональных программ (программ повышения квалификации и программ профессиональной переподготовки). Программы профессиональной переподготовки разрабатываются на основании установленных квалификационных требований, профессиональных стандартов и требований соответствующих федеральных государственных образовательных стандартов среднего профессионального и (или) высшего образования к результатам освоения образовательных программ².

Тем не менее анализ нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти показывает, что до настоящего времени единообразные дополнительные профессиональные программы не приняты, профессиональные стандарты в области судебно-экспертной деятельности не сформулированы, единый подход к профессиональным компетенциям по экспертным специальностям не определен, унифицированный реестр экспертных специальностей отсутствует, легального определения понятия «экспертная специальность» нет.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» дополнительные профессиональные программы должны отвечать федеральным государственным требованиям — обязательным требованиям к минимуму содержания, структуре дополнительных профессиональных программ, условиям их реализации и срокам обучения по этим программам, утверждаемым в соответствии с настоящим Федеральным законом

* Access to the Expert Profession and Expert Specialty Certificate

Galyashina, Elena I., deputy head, professor, Chair of Forensic Expertise, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Academician, Russian Academy of Natural Sciences, doctor of juridical sciences, doctor of physiological sciences, professor

уполномоченными федеральными органами исполнительной власти; осуществлять образовательную деятельность по дополнительной профессиональной подготовке может организация, имеющая соответствующую лицензию.

Государственные судебно-экспертные учреждения, реализующие программы дополнительного профессионального образования, должны соответствовать требованиям законодательства, предъявляемым к организациям, осуществляющим наряду с основной деятельностью дополнительную образовательную деятельность, т.е. действовать на основании соответствующей лицензии. Сегодня данному требованию из числа государственных судебных учреждений соответствует РФЦЭС при Минюсте России, где уже организована подготовка, повышение квалификации и аттестация работников государственных судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции РФ³. При этом дополнительное профессиональное образование работников федеральных судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции РФ осуществляется по перечню экспертных специальностей, определенных соответствующим приказом Минюста России⁴.

В то же время наименования экспертных специальностей, по которым аттестуются государственные судебные эксперты других ведомств, и содержательное наполнение видов проводимых в них судебных экспертиз, разнятся⁵.

В соответствии с п. 2 Положения об аттестации экспертов на право самостоятельного производства судебных экспертиз и о порядке пересмотра уровня их квалификации в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации (утверждено приказом МВД России от 9 января 2013 г. № 2 «Вопросы определения уровня профессиональной подготовки экспертов в системе МВД России») в системе МВД России право самостоятельного производства судебных экспертиз предоставляется экспертам, имеющим высшее образование и получившим дополнительное профессиональное образование по конкретной экспертной специальности.

В этом же нормативном правовом акте далее указывается, что для проведения аттестации экспертов на право самостоятельного производства судебных экспертиз представляются копия документа об образовании и о квалификации, подтверждающего получение профессионального образования по профессии, специальности или направлению подготовки в области судебной экспертизы и приложение к нему, копия удостоверения о повышении квалификации либо диплома о профессиональной переподготовке по соответствующей дополнительной профессиональной программе.

Таким образом, доступ к профессиональной деятельности в качестве эксперта в МВД России может получить лицо, которое имеет как высшее образование, так и дополнительное профессиональное образование, что должно подтверждаться документами, выданными образовательными учреждениями (организациями), имеющими лицензию на образовательную деятельность. Соответственно, для производства назначенной следователем экспертизы руководитель государственного судебно-экспертного учреждения должен поручить ее производство эксперту, который имеет соответствующие документы, подтверждающие наличие у него высшего образования и дополнительного образования по конкретной специальности, соответствующей перечню в приложении к Положению об аттестации экспертов на право самостоятельного производства судебных экспертиз и о порядке пересмотра уровня их профессиональной подготовки в системе МВД России.

Однако декларированный в ст. 11 ФЗ ГСЭД принцип единого подхода к подготовке экспертов и экспертным специальностям, в нормативных правовых актах разных ведомств и на практике не реализуется.

Сравнение наименований экспертных специальностей, по которым осуществляется аттестация государственных судебных экспертов на право самостоятельного производства экспертиз, скажем в МВД⁶, Минюсте и ФСБ России свидетельствует о наличии существенной разницы по родам (видам) экспертиз, входящих, например, в класс речеведческих⁷: в том числе фоноскопическая/фонографическая экспертиза, автороведческая экспертиза, лингвистическая экспертиза, «экспертиза текстов экстремистской направленности», выделяемая согласно логике

Приказа ФСБ России 2011 года в отдельный вид⁸. Спрашивается, если не в вузах, то в какой организации, имеющей лицензию на образовательную деятельность, должно осуществляться дополнительное профессиональное обучение, например, экспертов МВД или ФСБ России по каждой экспертной специальности, отсутствующей в перечне Минюста, но обозначенной в перечнях иных ведомств?

Видимо, каждое ведомство в лице своих головных экспертных учреждений по примеру РФЦЭС при Минюсте России будет получать лицензию на образовательную деятельность и осуществлять дополнительное профессиональное образование по своим программам и своим экспертным специальностям. При этом говорить об унификации подходов к специализации экспертов в таком случае опять не придется.

Но до того момента, пока все эксперты, являющиеся работниками государственных судебно-экспертных учреждений, не придут такого дополнительного профессионального обучения, объем которого может составлять от шести месяцев до года, легитимность их профессионального и процессуального статуса остается под угрозой. Если они не смогут предъявить документ об освоении программы дополнительного профессионального образования, то формально не будут соответствовать требованиям ст. 13 ФЗ ГСЭД.

В этой связи нам представляется целесообразным приостановить до 1 января 2017 г. действие ст. 69 Федерального закона от 2 июля 2013 г. № 185-ФЗ (ред. от 22.12.2014) О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2015) до завершения работ по организации системы дополнительного профессионального обучения экспертов, являющихся работниками государственных судебно-экспертных учреждений.

Непосредственной целью профессиональной подготовки судебного эксперта является формирование его готовности к квалифицированному выполнению процессуальных и профессиональных обязанностей, под которым понимается система знаний, умений, навыков, личных качеств, обеспечивающих самостоятельное, всестороннее, полное выполнение поставленных перед экспертом задач по исследованию объектов судебной экспертизы⁹.

В проекте федерального закона № 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»¹⁰, принятом в первом чтении Государственной Думой Федерального Собрания РФ, проблеме подготовки экспертов и их сертификации уделено особое внимание. Впервые вводится легальная дефиниция понятия «экспертная специальность» — комплекс знаний, умений и навыков, приобретенных лицом, имеющим профессиональное образование, путем целенаправленного профессионального обучения. Порядок осуществления профессионального обучения, а также дополнительного профессионального образования по соответствующей экспертной специальности определен в ст. 32 законопроекта «Кадровое обеспечение деятельности судебно-экспертных организаций (подразделений)».

Однако по тексту законопроекта юридико-технические неточности не устранены, отмечается наличие юридико-лингвистической неопределенности в употреблении понятий «специальные знания» и «экспертная специальность», термин «специализация» не используется.

Актуальным видится осуществление паспортизации экспертных специальностей, что позволит выполнить законодательно закрепленное требование о производстве судебных экспертиз на основе единого научно-методического подхода и обеспечит надлежащий контроль за качеством профессиональной подготовки судебного эксперта, сможет минимизировать экспертные ошибки, причиной которых являются некомпетентность или профессиональная несостоятельность судебного эксперта.

Компетентность судебного эксперта во многом определяет доказательственную значимость заключения эксперта, его истинность, полноту, обоснованность и достоверность выводов.

Расширение сферы использования специальных знаний в судопроизводстве, модернизация законодательства в сфере образования, науки и техники, судебно-экспертной деятельности, объективно назревшая потребность в реальной унификации подходов к решению вопросов организации и производства судебной экспертизы в различных видах судопроизводства, необходимость в реализации на практике законодательного¹¹ требования о едином научно-методическом подходе к экспертной практике, профессиональной подготовке и специализации экспертов актуализирует проблему подготовки высококвалифицированных профессиональных экспертных кадров, специализирующихся в конкретных родах (видах, подвидах) судебных экспертиз, владеющих передовыми научно-техническими средствами и методами производства судебных экспертиз, новыми информационными и экспертно-криминалистическими технологиями.

При этом задачи унификации системы подготовки экспертных кадров и внедрения в экспертную практику инновационных разработок в теории и практике судебной экспертизы являются важными как для отдельных родов (видов) судебных экспертиз, так и для судебной экспертологии в целом¹².

Из вышесказанного следует вывод, что необходимо разработать не только профессиональные стандарты¹³, но и единые для судебно-экспертных учреждений разных ведомств программы дополнительного профессионального образования по каждой экспертной специальности¹⁴ в соответствии с едиными квалификационными требованиями и перечнями профессиональных компетенций.

В этой связи необходимо остановиться на понятии «экспертная специальность».

В толковых и специальных словарях современного русского языка профессионализм определяется как профессиональное отношение (отношение специалиста) к работе, делу и т.д.¹⁵ Профессия — род трудовой деятельности человека, владеющего комплексом специальных теоретических знаний и практических навыков, приобретенных в результате специальной подготовки, опыта работы¹⁶.

В теории и практике судебно-экспертной деятельности понятия «профессия эксперта», «экспертная специальность», «специализация», «специальность, полученная в образовательном процессе», не являются полными синонимами. Специальность — совокупность знаний, умений, навыков, приобретенных специалистом в процессе образования и обеспечивающих определенный уровень квалификации. Специализация — одна из форм общественного разделения труда эксперта и его рациональной организации, которая проявляется в сосредоточении судебно-экспертной деятельности на каком-либо виде, подвиде судебных экспертиз или экспертных технологиях.

Специализация — термин многозначный. Это и приобретение специальных знаний и навыков в какой-либо области, и сосредоточение деятельности на каком-либо занятии, а также разделение труда на отдельные операции¹⁷.

В специальной литературе на структуру и содержание специализации, профессиональную подготовку обращали внимание многие ученые и практики, в частности, Т.В. Аверьянова, Ю.Г. Корухов, В.Ф. Орлова, Е.Р. Россинская и др.¹⁸ Так, по мнению коллектива авторов¹⁹, специализация в области судебно-экспертной деятельности должна включать: высокий уровень общего развития, образованность, эрудицию, широту интересов. Знания судебного эксперта должны обладать достаточной широтой и в то же время глубиной познания конкретной области науки, техники, искусства или ремесла. При их использовании в практической экспертной деятельности у судебного эксперта формируется дополнительный комплекс практических навыков и умений, получаемых опытным путем, закрепление которых также должно входить в комплексную систему его подготовки по определенной экспертной специальности или специализации.

Непосредственной целью профессиональной подготовки судебного эксперта является формирование его готовности к квалифицированному выполнению процессуальных и профессиональных обязанностей, под которым понимается система знаний, умений, навыков, личных качеств, обеспечивающих самостоятельное, всестороннее, полное выполнение поставленных перед экспертом задач по исследованию объектов судебной экспертизы²⁰. Таким образом, понятие «экспертная

специальность» приравнивается к системе знаний, умений и навыков, необходимых для самостоятельного выполнения экспертизы конкретного рода (вида) в соответствии с ведомственной классификацией.

Анализ действующего законодательства, регулирующего судебно-экспертную деятельность в различных видах судопроизводства, показывает, что в отношении понятий «специальность» и «экспертная специальность» единая терминология не выдержана. В действующем на данный момент процессуальном законодательстве термины «экспертная специальность», «специализация эксперта» вообще не употребляются.

В ст. 8 ФЗ ГСЭД говорится о соответствующей «специальности», в пределах которой эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе, всесторонне и в полном объеме. Статья 23 ФЗ ГСЭД определяет, что при производстве комиссионной судебной экспертизы экспертами разных специальностей (далее — комплексная экспертиза) каждый из них проводит исследования в пределах своих специальных знаний. В статьях 11, 15 ФЗ ГСЭД упоминается об отсутствии «эксперта конкретной специальности». В статьях 21, 22, 23 ФЗ ГСЭД речь идет об экспертах одной, разных специальностей. Статья 25 ФЗ ГСЭД предписывает отражать в заключении эксперта в числе сведений об эксперте сведения как об образовании, так и специальности. На практике эксперты указывают как свою экспертную специальность, соответствующую виду (роду) судебной экспертизы, на право самостоятельного производства которой они аттестованы, так и специальность по диплому о высшем образовании, корреспондирующую полученной квалификации. И только в ст. 13 ФЗ ГСЭД сказано об экспертной специальности как обязательном условии замещения должности эксперта в государственных судебно-экспертных учреждениях.

В то же время процессуальное законодательство, за исключением Уголовно-процессуального кодекса РФ (ст.ст. 199, 200, 201, 204 УПК РФ), понятия «специальность» не использует, ограничиваясь терминами «специальные знания». При этом в гражданском судопроизводстве помимо термина «специальные знания» (см., например, ст.ст. 79, 85 ГПК), встречаются также терминосочетания «профессиональные знания» (см., например, ст. 188 ГПК), «области знания»/ «знаний» (ст.ст. 82, 83 ГПК РФ), которые употребляются как полные синонимы.

В специальной литературе под специализацией эксперта понимается как процесс, так и результат приобретения лицом, имеющим специальную экспертную подготовку, навыков исследования объектов экспертизы определенного рода, вида и подвида (предметная специализация) или навыков применения методов исследования объектов этой экспертизы (методная специализация)²¹.

С оптимизацией законодательства, регулирующего отношения в сфере стандартизации²², особую значимость приобретает создание в Федеральном агентстве по техническому регулированию и метрологии Приказом Росстандарта от 13 мая 2015 г. № 561 технического комитета по стандартизации — ТК 134 «Судебная экспертиза». К числу основных задач, реализуемых Техническим комитетом, относится разработка национальных стандартов, норм и рекомендаций в области стандартизации судебно-экспертной деятельности.

В этой связи представляется целесообразным осуществить паспортизацию имеющихся экспертных специальностей, по которым производится подготовка, аттестация и сертификация компетенции судебных экспертов.

Мы предлагаем ввести понятие «паспорт экспертной специальности», под которым понимаем документ, содержащий единые квалификационные требования к судебным экспертам, а также перечень компетенций: знаний, умений и навыков, приобретенных лицом, имеющим высшее образование, в процессе дополнительного профессионального обучения по программе дополнительного образования.

Содержание паспорта экспертной специальности может включать сведения о специальности (квалификации) по диплому о высшем образовании, сведения об освоённой дополнительной профессиональной программе повышения квалификации по конкретному направлению экспертной деятельности.

Паспортизация экспертных специальностей, введение паспорта экспертной специальности позволит выполнить законо-

дательно закрепленное требование о производстве судебных экспертиз на основе единого научно-методического подхода и обеспечит надлежащий контроль за качеством подготовки судебного эксперта, сможет минимизировать экспертные ошибки, причиной которых являются некомпетентность или профессиональная деформация судебного эксперта.

Нам видится очень перспективным решение и такой задачи как формирование единого унифицированного реестра экспертных специальностей, по которым должны осуществляться дополнительное профессиональное образование судебного эксперта.

Однако для ее эффективного и оптимального решения целесообразно привлекать к работе Технического комитета не только высококлассных судебных экспертов, владеющих знаниями из разных отраслей науки, техники, искусства или ремесла, но профессиональных экспертов-терминоведов, специалистов в области терминоведения и нейминга, которые имеют представление о способах и приемах номинации, знают специфику терминологических полей и терминологических систем, могут превратить «терминологический хаос» в управляемый процесс вербализации научных (специальных) концептов, используемых в судебно-экспертной деятельности.

Наличие терминологических стандартов, унифицированных квалификационных требований к экспертам, единообразие программ дополнительного образования и повышения квалификации по единому реестру экспертных специальностей, разработка и принятие паспорта экспертной специальности²³ позволит выполнить законодательно закрепленное требование о производстве судебных экспертиз на основе единого научно-методического подхода к экспертной практике и специализации экспертов, обеспечит доступ к профессии экспертов высококвалифицированных и компетентных кадров.

Список литературы

1. Аверьянова Т.В. Курс общей теории / Т.В. Аверьянова. М., 2006.
2. Галяшина Е.И. Развитие судебных речеведческих экспертиз в России / Е.И. Галяшина // *Эксперт-криминалист*. 2010. № 4. С. 10–16.
3. Галяшина Е.И. Речеведческие экспертизы: от теории к практике / Е.И. Галяшина // *Эксперт-криминалист*. 2015. № 2. С. 28–31.
4. Комиссарова Я.В. Трудовая деятельность эксперта: подход к проблеме / Я.В. Комиссарова // *Эксперт-криминалист*. 2008. № 3. С. 2–6.
5. Практическое руководство по производству судебных экспертиз для экспертов и специалистов: научн. практич. пособ. / под ред. Т.В. Аверьяновой, В.Ф. Статкуса. М., 2011.
6. Смирнова С.А. О техническом регулировании судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации / С.А. Смирнова, Н.А. Замараева // *Теория и практика судебной экспертизы*. 2015. № 1 (37). С. 46–50.
7. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология) : учебник / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина, А.М. Зинин; под ред. Е.Р. Россинской. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2016.

5. См., например: Приказ МВД России от 09.01.2013 № 2 «Вопросы определения уровня профессиональной подготовки экспертов в системе МВД России» [вместе с «Положением об аттестации экспертов на право самостоятельного производства судебных экспертиз и о порядке пересмотра уровня их профессиональной подготовки в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации», «Положением о Центральной экспертно-квалификационной комиссии Министерства внутренних дел Российской Федерации»] (зарегистрировано в Минюсте России 19.04.2013, рег. № 28236).
6. См.: Приказ МВД России от 09.01.2013 № 2 «Вопросы определения уровня профессиональной подготовки экспертов в системе МВД России»; Приказ Минюста России от 12.07.2007 № 142 «Об утверждении Положения об аттестации государственных экспертов государственных судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации» [Электронный ресурс]. ИА «ГАРАНТ». URL: <http://www.garant.ru/>
7. См.: Галяшина Е.И. Речеведческие экспертизы: от теории к практике // *Эксперт-криминалист*. 2015. № 2. С. 28–31.
8. Приказ ФСБ РФ от 23.06.2011 № 277 «Об организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях органов федеральной службы безопасности» (зарегистрировано в Минюсте России 06.09.2011, рег. № 21744).
9. См., например: Практическое руководство по производству судебных экспертиз для экспертов и специалистов: научн. практич. пособ. / под ред. Т.В. Аверьяновой, В.Ф. Статкуса. М., 2011. С. 55–63.
10. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=306504-6](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=306504-6).
11. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 25.11.2013) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
12. Галяшина Е.И. Унификация судебно-экспертной деятельности и проблемы доступа к профессии эксперта // *Материалы Международной научно-практической конференции «Проблемы классификации судебных экспертиз, сертификации и валидации методического обеспечения, стандартизации судебно-экспертной деятельности»* (Москва, 21 января 2016 г.). М., 2016. С. 71–77.
13. Профессиональный стандарт — характеристика квалификации, необходимой работнику для осуществления определенного вида профессиональной деятельности. Необходимость разработки и введения профессиональных стандартов определена Указом Президента РФ № 597 от 7 мая 2012 г. «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики». Профессиональный стандарт является новой формой определения квалификации работника по сравнению с единым тарифно-квалификационным справочником работ и профессий рабочих и единым квалификационным справочником должностей руководителей, специалистов и служащих.
14. Галяшина Е.И. О концепции экспертной специальности в свете модернизации законодательства // *Московский юридический форум. VI Международная научно-практическая конференция «Гармонизация российской правовой системы в условиях международной интеграции»*. Ч. I. М., 2014. С. 350–354.
15. Большой экономический словарь / под ред. А.Н. Азриляна. 6-е изд., доп. М., 2004. С. 869.
16. Там же. С. 869.
17. Там же. С. 1050.
18. См., например: Основы судебной экспертизы. Ч. I: Общая теория. М., 1997. Гл. 5. С. 169–214.
19. Там же. С. 206.
20. См.: Практическое руководство по производству судебных экспертиз для экспертов и специалистов ... С. 55–63.
21. Энциклопедия судебной экспертизы / под ред. Т.В. Аверьяновой, Е.Р. Россинской. М., 1999. С. 401.
22. Концепция развития национальной системы стандартизации Российской Федерации на период до 2020 года, одобренная распоряжением Правительства Российской Федерации от 24.09.2012 № 1762-р; Федеральный закон Российской Федерации от 29 июня 2015 г. № 162-ФЗ «О стандартизации в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
23. См.: Галяшина Е.И. Паспорт экспертной специальности: понятие и сущность // *Актуальные проблемы судебно-экспертной деятельности в уголовном, гражданском, арбитражном процессе и делах об административных правонарушениях. Материалы IV Международной научно-практической конференции* (Уфа, 1 октября 2015 г.). Уфа, 2015. С. 95–101.

¹ Письмо Минобрнауки РФ от 13.05.2010 № 03-956 «О разработке вузами основных образовательных программ» (вместе с «Разъяснениями разработчикам основных образовательных программ для реализации федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования») // СПС «КонсультантПлюс».

² Статья 76 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.07.2015) // СПС «КонсультантПлюс».

³ См. Положение о дополнительном профессиональном образовании работников федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации, утв. приказом ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России от 16.12.2014 № 239/1-1.

⁴ Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 07.10.2014 № 207 «Об утверждении Положения об аттестации на право самостоятельного производства судебной экспертизы экспертов федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации» (зарегистрировано в Минюсте России 16.10.2014, рег. № 34344).

Организация изготовления субъективных портретов (фотороботов) в практике экспертно-криминалистической службы г. Москвы*

Гришин Пётр Львович,
начальник ЭКЦ МВД России, кандидат юридических наук

Зинин Александр Михайлович,
профессор кафедры судебных экспертиз
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор
amzinin@mail.ru

Статкевич Владимир Анатольевич,
начальник ЭКЦ ГУ МВД России по г. Москве

В статье кратко рассмотрена история изготовления и использования субъективных портретов (фотороботов) в практике работы органов внутренних дел г. Москвы. Обращено внимание на опыт экспертов по совершенствованию методики изготовления фотороботов и тактики работы с очевидцами. Показано современное состояние данной работы в экспертно-криминалистических подразделениях Московского региона.

Ключевые слова: субъективный портрет, фоторобот, методика, тактика работы с очевидцами.

It briefly discusses the history of the manufacture and use of subjective portraits (identikit) in the practice of law-enforcement bodies of Moscow. Attention is drawn to the experience of experts in improving manufacturing techniques and tactics identikit work with witnesses. The modern state of the art work in the forensic units of the Moscow region.

Key words: subjective portrait, an identikit, technique, tactics with witnesses.

Фоторобот — изображение лица разыскиваемого человека, изготовленное на основе фотоснимков других лиц. К такому виду изображений, именуемых в криминалистике субъективными портретами, можно также отнести и рисованные изображения разыскиваемого, полученные путем монтажа типовых рисунков элементов лица.

Первоначально для того, чтобы получить изображение разыскиваемого человека, использовали его портрет, изготовленный художником со слов лиц, знавших, видевших этого человека. Однако помощь художника в получении портрета разыскиваемого использовалась эпизодически, поскольку не всегда удавалось найти художника, который смог бы со слов другого человека нарисовать портрет, который бы человек, сообщающий приметы разыскиваемого, признал похожим.

Известно, что среди людей можно найти похожих друг на друга по типу лица. Этим явлением и стали пользоваться для получения розыскного портрета, который еще в середине прошлого века стали называть фотороботом.

Соединение этих двух способов — подбор фотоснимка человека, похожего на разыскиваемого по типу внешности, и помощь художника в создании на основе такого фотоснимка рисованного портрета, стало, в определенной степени, этапным в создании и использовании фотороботов в практике московской милиции.

Методика подбора фотоснимков похожих людей и изготовление на их основе фоторобота разыскиваемого была успешно реализована в середине прошлого столетия при уста-

новлении личности женщины, которая, используя поддельные документы, устраивалась на работу на материально ответственные должности, получала доступ к крупным суммам денег, похищала их и с ними скрывалась. Причем при поступлении на работу она использовала чужие паспорта и трудовые книжки, которые похищала, устлаваясь домработницей. В течение 1958–1959 годов в СССР было зарегистрировано несколько таких преступлений.

Работники уголовного розыска, используя описания внешнего облика этой женщины, полученные от свидетелей, отобрали несколько фотоснимков, из фрагментов которых был изготовлен составной фотопортрет сотрудниками научно-технического отдела (далее — НТО) Управления охраны общественного порядка Мосгорисполкома (в настоящее время — ГУ МВД России по г. Москве). Поскольку обычные меры розыска — репродуцирование рисунка и распространение репродукции среди работников милиции не давали результата, — портрет дважды был показан по Центральному телевидению. Демонстрация портрета сопровождалась описанием внешнего облика преступницы, особенностей ее фигуры. Вскоре после телевизионной передачи в дежурную часть городского подразделения органов внутренних дел поступило сообщение о том, что женщина, изображенная на портрете, очень похожа на ранее судимую Рябову. Женщина, сообщившая эту информацию, была потерпевшей по делу, по которому была судима за кражу документов и денег Рябова. Личность преступницы была установлена, она была задержана уже в г. Львове.

* Organization of Making Subjective Portraits (Composite Photos) in the Practice of Expert Criminalistics Service of the city of Moscow

Grishin Petr L., Chief of the Expert Criminalistics Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences

Zinin Alexander M., Professor of the Forensic Expertise Department of the Kutafin Moscow State Law University (Moscow State Law Academy), Doctor of Law, Professor

Statkevich Vladimir A., Chief of the State Institution Expert Criminalistics Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the city of Moscow

Создание фоторобота, изготавливаемого на основе нескольких фотоснимков, было трудоемким мероприятием, поэтому криминалисты пошли по пути использования заранее изготовленных рисунков элементов лица человека. Из этих рисунков и формировали портрет разыскиваемого. В конце 50-х годов XX века в США был создан комплект таких рисунков, который получил название «Айденти-кит» («идентификационный чемодан»). Комплект оказался удобным в использовании не только в помещении полиции, но при выезде по месту нахождения потерпевшего, свидетеля. Не нужно было подбирать фотоснимки, ретушировать их, чтобы получить в результате фоторобот.

Успешное использование «Айденти-кит» в США и Европе послужило импульсом для создания такого комплекта в СССР. Особенностью комплекта, созданного в нашей стране, получившего название «Идентификационный комплект рисунков» (ИКР), был набор десятков рисунков, которые позволяли получать изображения представителей разных антропологических типов жителей СССР.

Начиная с 1968 г., когда во ВНИИ МВД СССР был изготовлен первый вариант ИКР, сотрудники отдела криминалистических исследований Института стали систематически изготавливать с его помощью композиционно-рисованные портреты как в г. Москве, так и в командировках в других регионах страны.

Первая опытная партия ИКР была также распространена в научно-технические подразделения органов внутренних дел союзных республик.

Идентификационный комплект рисунков поступил и в НТО ГУВД г. Москвы, его сотрудники приступили к изготовлению фотороботов для работников уголовно-розыскных подразделений города. В составе отделения судебной фотографии НТО была организована лаборатория портретной идентификации. Для изготовления портретов использовался в основном ИКР, поступивший в лабораторию в начале 1974 г.

Для того чтобы сотрудники московской милиции активнее обращались по поводу изготовления фотороботов, на базе лаборатории постоянно проводились занятия с сотрудниками служб уголовного розыска, БХСС и следствия. Была подготовлена и специальная ориентировка — «Использование субъективных портретов в раскрытии преступлений».

В газете московской милиции «На боевом посту» от 25 июня 1974 г. появилась статья заместителя начальника НТО В.В. Шланева и старшего эксперта НТО Н.А. Городилова «Фоторобот ищет преступника». В ней рассказывалось об успешном розыске весной 1974 г. преступника, который причинил тяжкие телесные повреждения двум школьницам младших классов. В розыскных мероприятиях решающую роль сыграл фоторобот, изготовленный Н.А. Городиловым. С фотороботом сравнивали фотоснимки лиц, задерживавшихся за различные правонарушения. В результате было установлено сходство композиционного портрета с фотоснимком некоего Дмитриева, состоявшего на учете в 137 отделении милиции г. Москвы. Тщательная проверка личности Дмитриева и проведенная следователем очная ставка с потерпевшими привели к полному его изобличению в совершении этих преступлений.

Первыми сотрудниками лаборатории были старший эксперт Н.Ф. Марков, который вскоре перешел на преподавательскую работу, и эксперт Н.А. Городилов, проработавший в лаборатории до выхода на пенсию. Фотороботы все чаще использовались в практике розыска преступников, напряженность работы нарастала, и Н.А. Городилов рекомендовал руководству ГУВД перевести в НТО М.И. Сучкова, который служил милиционером в Гагаринском РОВД г. Москвы. Они познакомились еще в армии, во время службы на одной пограничной заставе на Кольском полуострове. Городилов еще тогда обратил внимание на своего земляка, который умел рисовать. Он не ошибся в выборе нового сотрудника лаборатории — вместе Н.А. Городилова и М.И. Сучкова проработали много лет, стали настоящими единомышленниками в сложном деле изготовления фотороботов. Они разрабатывали новые приемы работы с очевидцами и постоянно совершенствовали методику изготовления субъективных портретов.

Следует отметить, что сотрудники лаборатории НТО не дожидались обращения из уголовного розыска по поводу изго-

товления фоторобота. Изучая ежесуточную сводку о происшествиях по г. Москве, они выявляли те нераскрытые преступления, по которым возможно изготовление фоторобота, и добивались от оперативных работников или следователей обязательного их составления. Таким образом, они «вызывали огонь на себя», занимая активную позицию в деле борьбы с преступностью. В результате приростал опыт, и каждый новый случай успешного установления преступника по фотороботу увеличивал авторитет криминалистов.

Такая активность сотрудников лаборатории НТО позволила разработать наиболее оптимальные сроки изготовления фотороботов по различным видам преступлений. Так, по делам о мошенничестве специалист приступал к работе над фотороботом через несколько часов после заявления потерпевшего в милицию. По другим видам преступлений — в ближайшие два-три дня, с учетом состояния потерпевшего.

С учетом опыта применения фотороботов определялись и виды их использования; некоторые применяются до сих пор (такие, как проверка изготовленного портрета по информационно-поисковой системе лиц, состоящих на учете; определение круга работников полиции, которых наиболее целесообразно знакомить с репродукциями фоторобота).

Фотороботы заняли свое место и на стендах «Их разыскивает милиция».

Активная работа всего двух сотрудников лаборатории увеличила число составляемых портретов и случаев успешного их применения. Так, в 1975 г. было изготовлено 198 портретов, из которых 57 помогли установить преступников. В 1976 г. и в 1977 г. было составлено по 168 фотороботов, с помощью которых было установлено по 40 преступников.

Лаборатория приобретала все больший авторитет среди сотрудников московской милиции — эффективность использования фотороботов составляла более четверти от общего числа изготовленных.

Старший эксперт Н.А. Городилов не только изготавливал фотороботы, но и совершенствовал методику работы с очевидцами при использовании комплекта рисунков элементов внешности. Он применил иную последовательность составления портрета, чем та, что была рекомендована методикой изготовления портретов из комплекта рисунков элементов внешности (ИКР-2). Городилов начинал изготовление портрета с того элемента лица, который наиболее подробно описывал очевидец. В других случаях он изготавливал сначала изображение контура лица, затем отдельно компоновал рисунки бровей, глаз, носа и рта. После этого на композицию «внутренних» элементов накладывал изображение контура лица. В результате в ряде случаев ему удавалось устранить помеху в работе с очевидцем в виде неверно понятого им масштаба изображений элементов лица, имеющихся в комплекте ИКР.

Чтобы облегчить работу на первоначальном этапе изготовления портрета, Н.А. Городилов стал использовать для определения требуемого контура лица, его пропорций, полноты и соотношения элементов и их общей конфигурации так называемые портреты-прототипы. Эти портреты представляли собой слабо видимое фотоизображение на форматной диапозитивной пленке, на котором более отчетливо просматривался контур лица и значительно слабее его основные элементы — брови, глаза, нос, рот.

Для получения исходного материала Н.А. Городилов изучил собранную в лаборатории фотоколлекцию и отобрал фотоснимки, которые позволяли представлять основные типы лиц, встречающиеся в практике работы московских криминалистов. Отобранные диапозитивные изображения — портреты-прототипы являлись основой для начала работы над портретом, на которую затем накладывались диапозитивные изображения элементов лица, имеющиеся в комплекте ИКР, соответствующие более конкретному представлению очевидца о признаках внешности разыскиваемого преступника.

Данный способ изготовления и последующего использования портретов-прототипов при его применении в региональных экспертно-криминалистических подразделениях давал возможность учитывать антропологические особенности того или иного региона и формировать изображения типажей местного населения.

Но необходимо было преодолеть некоторую схематичность рисунков элементов внешности, как говорится, «оживить» портрет, и Н.А. Городилов разработал и испытал на практике собственную методику изготовления фотороботов, используя фотоснимки для изображений контура лица и отдельных элементов внешности, получая в итоге целостный рисовано-композиционный портрет.

Суть этой методики заключалась в следующем. В ходе беседы с очевидцем, после установления с ним психологического контакта, выяснялись общие признаки внешнего облика разыскиваемого. В соответствии с этими признаками у специалиста формировалось представление о типе внешности скрывшегося преступника. Из коллекции фотоснимков, имевшихся в лаборатории, очевидцу демонстрировались подходящие фотоснимки. В итоге из 10–15 фотоснимков очевидец выбирал более всего напоминавшие ему внешний облик преступника.

Преимуществом такой методики выбора исходного изображения заключалось в том, что очевидец воспринимал изображение лица в целом, что обеспечивало более адекватное сопоставление данного изображения с мысленным образом, имевшимся в памяти очевидца. Ему было легче представить как общие пропорции лица, так и типовые характеристики отдельных его элементов.

Затем на этот фотоснимок накладывалась прозрачная целлулоидная пленка и специальной мультипликационной краской копировались элементы лиц с других фотоснимков, на которых, по мнению очевидца, были похожи отдельные элементы лица, вносились соответствующие поправки в изображение, причем, эти поправки вносились путем рисования. Для такого копирования и дорисовки было необходимо иметь художественно-графические навыки. Их Н.А. Городилов и М.И. Сучков приобрели, пройдя в 1984 г. по собственной инициативе обучение на соответствующем отделении Московского полиграфического института. Таким образом, на одной пленке воспроизводились элементы внешности из разных фотографий. Применяя данную методику, специалисты использовали преимущества метода составления как фотокомпозиционных портретов, так и рисованных.

Применение двух видов воспроизведения внешнего облика — фотоснимка и рисунка элементов лица — позволило добиваться большего сходства с разыскиваемым человеком, чем если бы очевидцу предъявлялись только фотоснимки и осуществлялся их последующий фотомонтаж, или изготавливался рисовано-композиционный портрет, который не позволял учитывать особенности элементов лиц разыскиваемых с необходимой полнотой и наглядностью. Портреты получались более «живыми», что существенно повысило эффективность их использования в розыскной практике.

Большое значение придавалось первоначальному этапу работы над фотороботом. С каждым очевидцем устанавливался психологический контакт, выяснялись и учитывались особенности его личности, интересы и увлечения. О них в первую очередь велась беседа с очевидцем, а не об обстоятельствах происшествия, которые были уже известны специалистам от оперативных работников — инициаторов изготовления фоторобота.

Перед составлением портрета очевидцу предоставлялась возможность просмотреть альбом — реестр к идентификационному комплексу рисунков (ИКР), в котором было представлено разнообразие изображений элементов мужских и женских лиц. Такая подготовка очевидца способствовала пониманию им сущности создания портрета из комплекта рисунков. Обязательным было присутствие при изготовлении портрета сотрудника уголовного розыска, осуществлявшего оперативные мероприятия по делу, по которому составлялся фоторобот. Это было полезно не только для ознакомления эксперта с условиями, в которых потерпевший наблюдал преступника, но в ряде случаев оперативный работник уже в процессе составления портрета узнавал по нему лицо, состоящее на оперативном учете, и сразу же организовывал его задержание.

Н.А. Городилов и М.И. Сучков образовали тандем специалистов, которые могли решать задачи любой сложности, возникающие в практике изготовления фотороботов в г. Москве. Все чаще удавалось устанавливать скрывающихся преступни-

ков по фотороботам. С учетом увеличивающейся потребности в составлении портретов, а лаборатория обеспечивала все органы внутренних дел г. Москвы, эксперты стали работать посменно по 12 часов в день, в том числе в выходные и праздничные дни. Только в 1993 г. два специалиста изготовили более 1100 фотороботов. В день составляли по 8–10 портретов.

В 1986 г. в лаборатории появилась и компьютерная техника. Портреты стали изготавливать с помощью компьютерной системы «ФОТОРОБОТ», предназначенной для автоматизации процесса создания портретов (фирма-разработчик АО «Барс Интернешнл», г. Дмитров, Московская область). Специалисты лаборатории, апробируя программу на практике, способствовали ее совершенствованию с целью приближения к потребностям изготовления портретов.

В настоящее время изготовление фотороботов осуществляется с использованием программных и компьютерно-технических средств. Компьютерный планшет со специальным электронным блоком позволяет осуществлять дорисовку выбранных из базы данных изображений элементов лица. При необходимости изготовление фотороботов осуществляется вне помещения экспертно-криминалистического подразделения — в месте нахождения очевидца.

Таким образом, современные компьютерно-технические средства позволяют оперативно осуществлять изготовление портретов разыскиваемых со слов очевидцев. Тем не менее, успех данной работы зависит, как и прежде, от степени готовности эксперта к данной работе, наличия у него соответствующих знаний и навыков.

Сотрудники экспертно-криминалистических подразделений, которые изготавливают фотороботы, имеют подготовку в области криминалистической идентификации человека по признакам его внешнего облика. Изготовлению субъективных портретов, наиболее соответствующих содержанию мысленного образа, сформировавшегося в памяти очевидца, способствует наличие у эксперта художественно-графических навыков. Они позволяют ему «уходить» от шаблонного изображения внешнего облика человека, которым нередко отличается изображения, имеющиеся в базах данных ряда программных средств, используемых при изготовлении фотороботов.

В настоящее время фотороботы составляются экспертами в каждом административном округе г. Москвы. В целом по г. Москве за год изготавливается около 300 фотороботов. Ведутся окружные картотеки составленных портретов, которые взаимосвязаны с городской картотекой, функционирующей в ЭКЦ ГУ МВД России по г. Москве, что позволяет выявлять случаи совершения преступлений одним и тем же лицом в разных районах города.

Время показало, что рекомендации и приемы составления фотороботов, которые были разработаны Н.А. Городиловым и М.И. Сучковым, являются надежной методической основой для сотрудников экспертно-криминалистической службы ГУ МВД России по г. Москве.

Список литературы

1. Габитоскопия и портретная экспертиза: учебник / А.М. Зинин, И.Н. Подволоцкий; под ред. Е.Р. Россинской. М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2014.
2. Зинин А.М. Внешность человека в криминалистике: монография / А.М. Зинин. М.: Юрлитинформ, 2015.
3. Зинин А.М. Фоторобот: монография / А.М. Зинин. М.: Юрлитинформ, 2015.
4. Зинин А.М. Субъективный портрет: курс лекций / А.М. Зинин. М.: Щит-М, 2012.
5. Пичугин С.А. Использование антропологического метода создания обобщенных портретов при формировании субъективных отображений разыскиваемых лиц / С.А. Пичугин // Эксперт-криминалист. 2010. № 3. С. 9–11.
6. Пичугин С.А. Проблемы совершенствования современных габитоскопических регистрационно-поисковых систем субъективных портретов / С.А. Пичугин, О.О. Егоров // Эксперт-криминалист. 2011. № 2. С. 15–18.
7. Степаненко Д.А. Общие положения учения о криминалистической идентификации по мысленному образу // Эксперт-криминалист. 2008. № 1. С. 12–16.

Судебная баллистика на стороне обвинения или защиты: из практики эксперта-криминалиста и адвоката*

Ефремов Игорь Анатольевич,
доцент кафедры криминалистики и уголовного права
Российского химико-технологического университета
имени Д.И. Менделеева, адвокат адвокатского кабинета
«Право-Экспертиза-Защита»,
кандидат юридических наук, доцент
ig_anat@mail.ru

В практике раскрытия, расследования и рассмотрения уголовных дел часто возникает необходимость использования различных специальных знаний. Автор настоящих строк — адвокат, имеющий также квалификацию эксперта-криминалиста, на основе своего опыта рассматривает особенности использования некоторых специальных знаний в области судебной баллистики в практике раскрытия преступлений и в доказывании по уголовному делу.

Ключевые слова: огнестрельное нарезное оружие, пуля, гильза, следы, адвокат, эксперт-криминалист.

In practice of disclosing, investigation and consideration of criminal cases frequently there is a necessity of use of various special knowledge. The author of the present (true) lines — the lawyer having also qualification of the expert-criminalist, on the basis of the experience considers (examines) features of use of some special knowledge of judicial ballistics in practice of disclosing of crimes and in to prove on criminal case.

Key words: the fire cut weapon, bullet, sleeve, traces, the lawyer, the expert-criminalist.

Важности использования специальных знаний в раскрытии, расследовании преступлений и судебном рассмотрении уголовных дел, как в практике обвинения, так и в практике защиты по уголовным делам, автором настоящей статьи посвящен ряд работ¹. Указанная практика ему известна не только из научных и тому подобных источников, но и из личного опыта профессионального участника уголовного и других видов судопроизводства.

Раскрытие и доказывание преступлений с использованием специальных знаний осуществляется, как правило, с участием специалиста. Участие специалиста в раскрытии преступлений, совершенных с использованием огнестрельного оружия, требуется прежде всего в случаях, когда оружие на месте происшествия не обнаружено и/или когда преступник(и) с места происшествия скрылся. На местах происшествий, где использовалось любое огнестрельное оружие, в том числе и нарезное, практически во всех случаях обнаруживаются пули и гильзы со следами от оружия, из которого они выстреляны.

По следам на пулях и гильзах можно установить как тип, вид, модель, образец примененного оружия, так и впоследствии при обнаружении оружия идентифицировать его, аналогично тому, как устанавливается по оставленным на месте происшествия следам рук человек.

В случае наличия ряда нераскрытых преступлений, где применялось огнестрельное нарезное оружие и где изъяты выстрелянные пули и гильзы со следами от оружия, при их сравнении можно установить факт применения одного и того же оружия для совершения нескольких преступлений. Для этих целей в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации созданы и функционируют на федеральном и региональном уровнях пулегильзотеки, куда помещаются указанные пули и гильзы. Если однотипные объекты (пули или гильзы) изъяты с места происшествия в количестве двух и более, то часть помещается в региональную пулегильзотеку, часть — в федеральную. Пули и гильзы, помещаемые в указанные пулегильзотеки, проверяют на предмет совпадений/несовпадений следов от

оружия на них с аналогичными следами на объектах, находящихся в пулегильзотеках.

Несмотря на имеющиеся средства автоматизации подобных проверок², одной из особенностей таких исследований является то, что для принятия окончательного решения (о совпадении/несовпадении следов и, соответственно, формулирования ответа — из одного или разных экземпляров оружия выстреляны исследуемые объекты), как ранее, до существования средств автоматизации, так и сейчас присутствует значительная доля, так называемого ручного труда. При этом немалую роль играет человеческий фактор. Точнее говоря — профессиональная подготовка и опыт лица, выполняющего проверку.

Особенности таких проверок и необходимость наличия у выполняющего проверку эксперта-криминалиста высокой профессиональной подготовки, опыта обусловлены прежде всего особенностями механизма образования следов на пуле и гильзе деталями оружия, из которого они выстреливаются. (Если, к примеру, признаки в следах рук человека практически не меняются в течение всего периода его жизни, то признаки в следах на пулях и гильзах от одного и того же экземпляра оружия могут меняться от одного выстрела к другому.) В процессе проверки при раздельном изучении следов необходимо выявить комплекс признаков, достаточный для идентификации оружия, из которого она выстреляна. Для признания достаточности такого комплекса признаков решающее значение будет иметь не их количество, а их качество (выраженность, информативность, отсутствие в отображении случайных признаков).

Без большого преувеличения можно сказать, что при этом опыт специалиста должен быть не просто узкоспециальный, а на уровне интуитивном. Особенно это важно, когда проверка проводится по достаточно большому массиву пулегильзотеки, когда специалист при непродолжительном изучении сравниваемых следов мог бы быстро, без продолжительных логических рассуждений, понять и исключить ряд объектов из числа проверяемых, чтобы основное время уделить тщательному сравнительному исследованию с объектами, с которыми возможны совпадения по следам.

* Forensic Ballistics in Favor of the Prosecution or Defense: from the Practice of an Expert Criminologist and Advocate

Efremov Igor Anatoljevich, the senior lecturer of faculty of criminalistics and criminal law Russian chemical-technological university of a name of D.I.Mendeleeva, the lawyer of a lawyer cabinet «Right-Examination-Protection», the candidate of jurisprudence, the senior lecturer, veteran Ekspertno-kriminalisticheskogo of the center of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Необходимость наличия некоей интуиции при проведении таких проверок обуславливается, в частности, тем, что на момент проверки неизвестны такие условия производства выстрелов, как: качество использованных патронов; масса порохового заряда; пуля и гильза от первого или последующих выстрелов поступила на исследование; другие факторы, которые могут значительно влиять на условия слеодообразования тех следов, которые образуются на гильзах и пулях от деталей оружия.

Важно заметить, что и при раздельном исследовании, и при сравнительном исследовании для принятия специалистом окончательного решения о совпадении/несовпадении следов на исследуемых объектах используемая при этом аппаратура не играет определяющей роли.

Наряду с вышерассмотренными общими для гильз и пуль особенностями образования следов и их исследование по каждому из этих видов объектов имеют свои особенности. Отличиями, которые могут обуславливать особенности исследования рассматриваемых следов, являются особенности механизмов слеодообразования на гильзах и пулях.

Так, следы на гильзе в основном являются статическими, а на пулях, как правило, остаются динамические следы от полей и дна нарезов канала ствола. Статические следы в определенном смысле можно рассматривать как менее вариационные по сравнению с динамическими следами.

Как и при проведении сравнительного исследования следов на гильзах, вначале должен быть решен вопрос о пригодности следов на пулях, изъятых с места происшествия, для идентификации оружия, из которого они выстреляны.

В целях установления пригодности следов для указанной идентификации должны быть установлены и проанализированы не только количество и ширина трасс в виде валиков и бороздок в следах, но и их высота (глубина) и другие характеристики трасс.

Сравнение следов на пулях, в отличие от сравнения следов на гильзе, когда сравнение, как правило, осуществляется способом сопоставления, выполняется в основном (прежде всего для иллюстрации совпадений) способом совмещения с применением сравнительных микроскопов (специальных компьютерных программ). Идентификация огнестрельного оружия по следам на пулях, по существу, является одним из случаев трасологической идентификации по динамическим следам на баллистических объектах, а совмещение при исследовании динамических следов в трасологии является преимущественным способом сравнения.

Если подобное совмещение делать без учета сказанного (без детального анализа трасс от полей и дна нарезов канала ствола), то, как шутят специалисты-трасологи, можно при желании или по причине недостаточной экспертной квалификации совместить лопату с топором. Имеется в виду то, что при совмещении следов скольжения, образованных лопатой, с аналогичными следами (следами скольжения), образованными топором, можно подобрать в этих следах участки, на которых валики и бороздки по количеству и ширине будут совмещаться с небольшими отклонениями, которые на иллюстрациях может выявить, как правило, только специалист с достаточно высокой квалификацией.

Сравнивая следы, без учета сказанного, оставленные разными объектами одного вида, как в нашем случае — нарезным оружием одной модели, проиллюстрировать «совпадение» следов при совмещении еще проще, чем в случае с лопатой и топором.

Другой крайностью при рассматриваемых исследованиях, также нередко обусловленной недостаточными квалификацией или опытом эксперта-криминалиста, может быть отказ от решения вопроса(ов) в части признания пригодности следов на пуле или гильзе для идентификации оружия или установления наличия/отсутствия тождества (вывод «НПВ» — не представляется возможным решить, установить).

Показательным и поучительным в плане особенностей раскрытия и расследования преступлений с использованием специальных знаний в области судебной баллистики является дело о совершении ряда тяжких преступлений бандой, использовавшей похищенные пистолеты Макарова (далее — ПМ),

почти 30 лет назад в Ленинградской области. Совершенные бандой преступления вызвали большой общественный резонанс в СССР; было опубликовано немало статей, снят фильм по заказу одного из российских федеральных ТВ-каналов³.

Автор настоящих строк принимал участие в качестве специалиста и эксперта в раскрытии и расследовании данного преступления. Первоначально участие заключалось в выполнении проверки по всесоюзной пулегильзотеке гильз, изъятых с одного из мест совершения преступлений. Описываемая проверка проводилась по всему массиву пулегильзотеки, где находилась, в том числе, часть пуль и гильз с мест совершения нераскрытых преступлений в Ленинградской области. Но до этого была проведена проверка по региональной пулегильзотеке в ЭКУ ГУВД Ленобл- и горисполкомов и был дан отрицательный ответ, то есть ответ о несовпадении следов на изъятых и поступивших для проверки объектах со следами на аналогичных объектах, изъятых с мест ранее совершенных и нераскрытых преступлений. И это при том, что со стороны следствия и оперативных работников были достаточно обоснованные подозрения, что при совершении разных преступлений в Ленинградской области используется одно и то же оружие.

При проведении проверки по вышеуказанному делу автор статьи, как сотрудник всесоюзной пулегильзотеки, в качестве специалиста-криминалиста вначале пришел к выводу о пригодности следов на гильзе (прежде всего, следов-отображений патронного упора на донной части гильзы и бойка на капсуле) для идентификации оружия, из которого она была выстреляна. Далее проводилась проверка по всему массиву всесоюзной пулегильзотеки, так сказать, втемную. (При выполнении проверки автор статьи информацией о том, что уже была проведена проверка в Ленинграде и что имеются вышеуказанные обоснованные подозрения со стороны оперативных работников и следствия, не располагал.)

Кстати, в описываемом случае для принятия решения о совпадении следов на гильзах, изъятых с места происшествия, со следами на гильзах, находящихся во всесоюзной пулегильзотеке, использовался обычный многофункциональный отечественный микроскоп МБС-2. И только для иллюстрации совпадений и изготовления фотоснимков использовался сравнительный микроскоп иностранного производства компании «Проективна», далеко не последняя модель на тот период. В некоторых же упоминавшихся публикациях об описываемом преступлении говорилось, что раскрытие данного преступления с помощью пулегильзотеки было осуществлено при использовании некоей экспертной суперсовременной аппаратуры⁴.

В результате проверки было установлено совпадение следов на поступивших для исследования гильзах со следами на ранее поступивших гильзах с мест нераскрытых преступлений в этом же регионе. Дело о преступлениях банды было в кратчайшие сроки раскрыто.

После первой положительной проверки выполнялись по данному делу и другие проверки, где также были положительные результаты, а впоследствии проводились судебно-баллистические экспертизы. При судебном рассмотрении судом дела экспертом-криминалистом были даны показания.

Также показательным и поучительным в плане особенностей раскрытия и доказывания преступлений с использованием рассматриваемых специальных знаний судебной баллистики, только уже со стороны защиты, является случай раскрытия и расследования другого дела, возбужденного по преступлениям, связанным с применением огнестрельного оружия, совершенным уже в современной России, в московском регионе. По этому делу лицо, подозреваемое в совершении преступления, было взято под стражу на основании результатов судебно-баллистической экспертизы, выполненной в одном из ведущих государственных судебно-экспертных учреждений России. Согласно данному заключению пуля, обнаруженная в трупе, была выстреляна из оружия, изъятая у подозреваемого. Других доказательств совершения убийства подозреваемым не было.

Адвокат-защитник, несмотря на высокий статус учреждения, выполнявшего экспертизу, не стал слепо верить выводам эксперта и обратился к негосударственному специалисту-криминалисту, автору настоящих строк, имевшему к этому времени еще и статус адвоката⁵, за разъяснениями по поводу

достоверности результатов данной судебной экспертизы, что он вправе делать в соответствии с п. 4 ч. 3 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

В результате изучения заключения эксперта специалистом было установлено следующее. На приложенной к заключению фотоиллюстрации совмещений следов от полей нарезов канала ствола на пуле из трупа с аналогичными следами на пулях, выстрелянных из изъятого у подозреваемого оружия, наблюдаются несовпадения в следах по отдельным признакам. В описании сравнения следов не содержится аргументированных объяснений имеющихся различий, что, согласно методике такого рода исследований, должно быть сделано.

По ходатайству адвоката-защитника, подготовленному с использованием рекомендаций специалиста, была проведена повторная экспертиза. Комиссия экспертов, выполнявшая ее, пришла к выводу, что исследуемая пуля выстрелена не из оружия, изъятого у подозреваемого. Подозреваемый был освобожден из-под стражи и в последующем проходил по делу в качестве свидетеля.

Таким образом, квалифицированное использование специальных знаний в области судебной баллистики при раскрытии и расследовании преступлений, совершенных с использованием огнестрельного оружия, способствует своевременному привлечению виновных лиц к заслуженной ответственности. С другой стороны, это помогает исключить по делам о преступлениях, совершенных с использованием огнестрельного оружия, случаи незаконного привлечения лиц к уголовной ответственности.

Список литературы

1. Горячева Н.Ю. Информационно-коммуникационное использование пулегильзотек и баз данных об оружии в раскрытии преступлений, совершенных с применением нарезного оружия / Н.Ю. Горячева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2011. № 19. С. 27–29.
2. Ефремов И.А. Кто и как будет определять сроки производства судебных экспертиз и что нужно делать, чтобы они соблюдались / И.А. Ефремов // Эксперт-криминалист. 2009. № 4. С. 6–10.
3. Ефремов И.А. О тактике привлечения адвокатом специалистов для разъяснения вопросов, связанных с оказанием юридической помощи доверителям при судебных разбирательствах / И.А. Ефремов // Адвокатская практика: научно-практическое и информационное издание. 2007. № 4. С. 15–18.

4. Ефремов И.А. Особенности поручения производства судебной экспертизы негосударственному эксперту / И.А. Ефремов // Эксперт-криминалист. 2006. № 4. С. 3–5.

5. Ефремов И.А. Особенности поручения производства судебной экспертизы государственному судебно-экспертному учреждению / И.А. Ефремов // Эксперт-криминалист. 2009. № 3. С. 25–27.

¹ См., например: Особенности поручения производства судебной экспертизы негосударственному эксперту // Эксперт-криминалист. 2006. № 4. С. 3–5; Его же. О тактике привлечения адвокатом специалистов для разъяснения вопросов, связанных с оказанием юридической помощи доверителям при судебных разбирательствах // Адвокатская практика: научно-практическое и информационное издание. 2007. № 4. С. 15–18; Его же. Особенности поручения производства судебной экспертизы государственному судебно-экспертному учреждению // Эксперт-криминалист. 2009. № 3. С. 25–27; Его же. Кто и как будет определять сроки производства судебных экспертиз и что нужно делать, чтобы они соблюдались // Эксперт-криминалист. 2009. № 4. С. 6–10.

² Горячева Н.Ю. Информационно-коммуникационное использование пулегильзотек и баз данных об оружии в раскрытии преступлений, совершенных с применением нарезного оружия // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2011. № 19. С. 27–29. (Использован текст статьи, опубликованный в СПС «КонсультантПлюс»).

³ См.: Свет в прокурорском окне — 20.01.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://ladoga-news.ru/news?id=2092>; Честь мундира [Электронный ресурс]. Фильм транслировался по телевизионному каналу «Звезда» 01.07.2015 в 23 часа 20 минут / URL: <http://telepoisk.com/peredacha-tv-archiv/550609941/1-7-2015>; Ночная гнусь / Уголовный розыск. Петроград — Ленинград — Петербург [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/1031902/Ugolovnyy_rozysk_Petrograd_-_Leningrad_-_Peterburg.html

⁴ См.: Ночная гнусь / Уголовный розыск. Петроград — Ленинград — Петербург [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/1031902/Ugolovnyy_rozysk_Petrograd_-_Leningrad_-_Peterburg.html

⁵ Согласно действующему законодательству лицо, имеющее статус адвоката, вправе выступать в судопроизводстве в качестве специалиста и эксперта, конечно, не по делам, где он уже участвует в качестве защитника или представляет интересы потерпевшего. Подробнее об этом см.: Из переписки Президента Адвокатской палаты г. Москвы // Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2006. № 2–3 (28–29). С. 45–46.

**В Институте законодательства и сравнительного
правоведения при правительстве Российской Федерации
14 апреля 2016 г. в торжественной обстановке
впервые состоялась церемония награждения лауреатов
Национальной премии по литературе в области права,
учрежденной Федеральной палатой адвокатов
Российской Федерации**

Решение об учреждении Премии было принято Советом ФПА РФ в целях развития российской литературы в области права, поддержки авторов и творческих коллективов, наиболее значимых для современной российской правовой мысли, содействия развитию классического юридического образования и росту престижа профессии.

Оргкомитет и Комитет по награждению формировались из авторитетных ученых-правоведов, представителей органов власти, общественных и некоммерческих организаций (Положение о Национальной премии по литературе в области права см.: http://www.fparf.ru/documents/council_documents/council_regulations/15762/).

Оргкомитет подготовил список из 26 номинантов, в число которых по направлению «Криминалистика» вошли:

Криминалистика: учебник для магистратуры / под общ. ред. И.В. Александрова. М.: Издательство «Юрайт», 2015. 336 с. Серия: Магистр.

Издание посвящено 130-летию со дня рождения основателя и первого заведующего кафедрой криминалистики МГУ имени М.В. Ломоносова, доктора юридических наук, профессора И.Н. Якимова — автора первого российского учебника по криминалистике.

Учебник подготовлен коллективом авторов — ведущих профессоров кафедр криминалистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и Уральского государственного юридического университета. Известные ученые-криминалисты страны высказали свое мнение по наиболее сложным темам науки с учетом многолетнего опыта практической деятельности и научных исследований, а также новейших тенденций развития криминалистики.

Военно-правовые исследования: современные проблемы и перспективы: монография / авт.-сост. докт. юрид. наук, проф. Е.Н. Холопова. М.: Юрлитинформ, 2015. 391 с.

Актуальность монографии обусловлена необходимостью пропаганды научных школ военных вузов. В коллективной монографии представлены диссертационные исследования, в которых раскрываются отдельные направления развития комплексной отрасли права — военного права (военной криминалистики; военной криминологии; военные аспекты административного права; статуса военнослужащих и их социальной защиты; реализации прав и свобод военнослужащих и др.). Все исследования являются научно-прикладными, в том числе благодаря теоретически и эмпирически обоснованным предложениям по совершенствованию действующих законов и иных нормативных правовых актов в сфере национальной безопасности России.

Список номинантов был направлен в 58 ведущих российских юридических вузов по списку, утвержденному Советом Федеральной палаты адвокатов РФ. В голосовании приняли участие 32 вуза. По результатам голосования победителями стали:

Мальцев Г.В. Нравственные основания права. М.: Изд-во СГУ, 2008. 552 с.

Наумов А.В. Российское уголовное право: курс лекций в 3-х т. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2011. 2024 с.

Серков П.П. Конституционная ответственность в Российской Федерации: современная теория и практика. М.: Норма, 2014. 464 с.

*Информация предоставлена членом Оргкомитета,
главным редактором журнала «Эксперт-криминалист»
Я.В. Комиссаровой*